

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

ЦЕНТРОВАЯ

Владимир Колычев

Центровая

«ЭКСМО»

2014

Колычев В. Г.

Центровая / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2014

В конце восьмидесятых Слава Кречетов получил срок за драку, а когда вышел на свободу, совершенно не узнал родного Панфиловска. Жизнь тихого провинциального городка кардинально изменилась. Строительство коммунизма больше не заботило горожан. Спекуляция, стрелки, рэкет и разборки – вот чем теперь жила малая родина. Метаморфозы будоражили кровь, запах свободы пьянил, и Кречет ринулся в самую гущу событий, в самое «пекло жизни». Он вступил в местную преступную группировку, влюбился в самую красивую девушку района и начал новую, отчаянную жизнь...

© Колычев В. Г., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Колычев

Центровая

Глава 1

Старая фабричная труба указующим перстом вонзалась в небо, прокалывала и испаривала утробы низко плывущих облаков, из которых на землю сыпался холодный мелкий дождь. Высокий бетонный забор с колючей проволокой поверху отделял старый пятиэтажный дом от швейной фабрики. Со двора хорошо было видно темно-красное здание цеха с шиферной крышей. Фабрика – промышленная зона, дом – жилая. Все точно так же, как в колонии общего режима, откуда я сейчас и возвращался.

За последние три года много изменилось – мои родители развелись и разъехались. Мама осталась в Ярославле, а отец перебрался в Панфиловск, маленький городок, расположенный неподалеку от Москвы.

В Ярославле я уже был. У мамы новая семья. Ее теперешний муж меня терпеть не мог, хотя первое время и пытался это скрывать. Понять Евгения Севастьяновича можно: я уголовник, а у него дочь, так сказать, на выданье. Катя, мягко говоря, красотой не блистала, замуж ее никто не брал, но лучше пусть она в девках пропадет, чем достанется мне. Такая вот логика у мужика. А у меня свои понятия о жизни – на дураков не обижаются, их игнорируют или даже презирают.

Евгения Севастьяновича я послал в известное место. Куда сложней дела обстояли с институтом, откуда меня отчислили три с половиной года назад. Пока не снимут судимость, о восстановлении не могло быть и речи. Уголовное прошлое ставило крест на моей судьбе, и мне ясно дали это понять.

Я любил свой родной город, но вынужден был оттуда уехать. Евгений Севастьянович раздражал меня сам по себе, к тому же он спал с моей мамой. Я никогда с этим не смирюсь, значит, когда-нибудь сорвусь!.. Мужик он здоровый, кряжистый, но шансов против меня у него нет. Если я взбешусь, то припомню ему все. А возвращаться за колючку желания не было, поэтому я и подался к отцу, сюда, в Панфиловск. Да и бабушку хотелось увидеть.

Расчет у меня простой: понравится – останусь, нет – буду что-то думать. Мне уже двадцать два года, я совершенно взрослый человек и физической работы не боюсь. В зоне я освоил профессию каменщика и маляра. Сначала мы цех в промзоне строили, потом – дачу начальнику колонии и дом для его высочайшего приятеля. Наймусь куда-нибудь на шашку и буду калымить.

Из дома, проклиная судьбу и погоду, вышла дородная женщина в сером плаще, раскрыла зонт, вжала голову в плечи и засемила в сторону фабрики. Рабочий день давно уже начался, но, может, ее ждет вторая смена.

Мне на работу не нужно, и дождь меня ничуть не пугает. Зонта у меня нет, голова мокрая, туфли протекают, носки хоть выжимай, но ведь это не смертельно. Страшно было, когда меня отправили в следственный изолятор. Общая камера там показалась мне адом. Вот когда я готов был проклясть и себя, и свою судьбу. Но ничего, выжил и вышел на волю. Сейчас для меня даже сквозь темное ненастное небо светило солнце свободы.

Женщина прошмыгнула мимо, даже не глянув на меня. Это была бабушкина соседка, которая меня не узнала. Оно и не удивительно. Мне было тринадцать-четырнадцать лет, когда я в последний раз гостил у бабушки Вари. Я вырос, возмужал и, возможно, даже заматерел. В тюрьме люди меняются, причем далеко не в лучшую сторону.

Я открыл дверь в подъезд, и тут мне навстречу из подвала вывалился рыжеволосый бугай, от которого неприятно пахло потом и мочой. Впрочем, кого-кого, а меня такие вот ароматы и бешеные глаза в ступор давно уже не вгоняют.

Дверь из подвала открывалась в небольшой тамбур, в который входил и я. Кто-то из нас должен был подвинуться. Я собирался уступить дорогу этому бугаю, пышущему здоровьем и наглостью, но тот пер на меня слишком уж быстро. Я просто не успел посторониться. Он толкнул меня могучим плечом. Пытаясь смягчить удар, я повернулся к стене, при этом слегка коснулся ее спиной и локтем. Побелка наверняка пристала к мокрой одежде.

Наученный горьким опытом, я промолчал. Бугай промчался мимо, прямо как паровоз по накатанным рельсам. Все бы ничего, но вслед за ним из подвала вышла юная шатенка с короткой стрижкой. Старая болоньевая куртка, юбка из вареной джинсы, черные запыленные колготки, разбитые сапоги на толстом каблуке. Одежда тяжелая, с чужого плеча, но, как это ни странно, девушка в ней выглядела изящно. Во всяком случае, мне так показалось.

Черты лица у нее интересные, вроде бы резковатые, грубые, но при этом красивые. Будь они хоть на йоту поглубей, девушка показалась бы мне страшенькой, и я даже не задержал бы на ней взгляд. Но она мне очень понравилась.

Я не хотел пасть в ее глазах и бросил в вдогонку бугаю:

– Козел!

Мой голос прозвучал негромко, и все-таки он меня услышал.

– Что ты сказал?! – Рыжий здоровяк ошалел от возмущения и резко развернулся ко мне.

Мне не хотелось доводить дело до конфликта, но теперь выбор у меня был невелик: принять бой или позорно ретироваться.

Я отступил назад, но только для того чтобы лишиться бугая маневра. Я шагнул в глубь подъезда, в узкое пространство между батареей парового отопления и стеной, за которой находился спуск в подвал. Рыжий широк в плечах, и ему здесь будет тесно. Зато я знал, как вести бой в такой ситуации, и умел это делать.

Но тут из подвала вышел какой-то парень. Он встал на пути у рыжего, остановил его, схватил за грудки и вытолкнул из подъезда.

– Ты кого послал, морда? – услышал я возмущенный рев.

Парень был чуть пониже бугая, не такой широкий в плечах, но это его ничуть не смущало. Он ударил рыжего головой в лицо, затем – локтем в живот, после чего согнул его пополам и врезал коленкой в нос. Работа быстрая, точная и сокрушительная.

В чужие разборки лезть не принято. Я должен был отвалить в сторону, но ведь это у меня отбили жертву, а не наоборот. Я не хотел связываться с рыжим, но на бой все-таки настроился, а тут вдруг какой-то лев перехватил у меня барана. Как тут не возмутиться?..

Я стоял в тамбуре и через распахнутую дверь смотрел, как светловолосый скуластый парень втапывал в грязь моего обидчика. Я настолько увлекся зрелищем, что даже забыл о заманчивой шатенке.

Зато она не упустила меня из виду и звонко крикнула:

– Ну и чего уставился?

Блондин остановился, обернулся на голос, увидел меня. Рыжий лежал на боку, закрывая лицо руками, а живот – коленями. Он был растоптан и морально, и физически.

– Ты кто такой? – обращаясь ко мне, свирепо спросил блондин.

Молодой, вряд ли больше двадцати. Жилистый и мощный, огнеупорный и взрывоопасный. Шелковистые волосы, пронзительные голубые глаза, правильные черты лица, чистая кожа, ладная фигура. Таких красавчиков на зоне называют сладкими пряниками. Там, как правило, находятся озабоченные, но этот вряд ли дался бы на зубок – не тот у него склад характера. Взгляд жесткий, хищный, на лице злость и непреодолимая уверенность в своих силах.

Я устал, промок, замерз. Мне нужно было домой – отогреться, выпить и лечь спать. На подвиги меня совершенно не тянуло, но и назад уже не повернуть. Не в свое дело я влез, и раз уж с меня собираются за это спросить, то придется ответить. А за кулаком я в карман не лезу.

Я молча наблюдал за блондином. Мне нельзя было отвечать на его установочные вопросы. Это признак слабости. В таких случаях, как сейчас, нужно выждать и бить в ответ на удар или оскорбление.

– Ты что, глухой?

Парень нарвался на мой взгляд волка, готового к драке, на миг задумался, решил не сбавлять обороты и шагнул ко мне.

Он и меня мог схватить за грудки. Лоб у него массивный, кость толстая. Судя по всему, бить он умел и любил.

Я не знал, чем эта встреча для меня закончится, и вдруг услышал за спиной женский голос:

– Что здесь такое?

Я узнал его. Неужели бабушка?.. Она у меня женщина боевая, деда моего, царствие ему небесное, держала в ежовых рукавицах.

– Да ничего! – буркнул блондин и отступил.

Он не захотел связываться с женщиной или же в моей бабушке увидел повод, позволяющий ему отступить от меня. Я, может, и не амбал по своей наружности, но и в хлюпиках никогда не числился. Да и страшные глаза в зоне делать научился. Жуткий взгляд на прочном фундаменте из уверенности в себе – отличный аргумент в споре с такими крутыми парнями, как этот. А ударить я мог очень больно, даже ногами в живот.

– А ну давай отсюда, пока я в милицию не позвонила!

Блондин сдал назад, шатенка нырнула обратно в подвал. Один я остался стоять на месте.

– А ты что, глухой?

Бабушка взяла меня рукой за плечо, развернула на себя. За последнее время она очень постарела, осунулась, стала меньше ростом, но глаза были прежними – живыми, молодыми. Они тут же увлажнились.

– Слава! – Голос ее дрогнул.

Она чуть нагнулась, поставила на ступеньки ведро с мусором, жадно вцепилась в меня руками. Я обнял ее, она пустила слезу, расцеловала меня и потянула за собой домой.

– А я как чувствовала, что ты где-то здесь, – открывая дверь, дрожащим от волнения голосом сказала бабушка.

В квартире пахло травами и простоквашей. Тихо, тепло, уютно тикают часы с кукушкой.

– Отец где?

– Да на работе, где ж еще. – Она вздохнула непонятно почему. – Какой ты мокрый! Я сейчас ванну тебе сделаю!

Она открыла дверь в ванную комнату и вдруг замерла на месте, глядя куда-то в потолок.

– А ведро где?

Оно так и осталось в подъезде.

– Бабуля, ты давай с ванной порешай, а я схожу.

Как ни крути, а я дал слабинку, отступив без боя. Сам ушел или бабушка меня увела – это совсем не важно. Раз уж выпал случай вернуться, то упускать его нельзя.

«Будь что будет», – думал я, переступая порог.

Я нашел ведро, сходил к мусорным бакам, но ни с кем из шумной тройцы по пути не встретился. Дверь в подвал была закрыта изнутри. Видно, дети подземелья дышали свежего воздуха и вернулись обратно.

Я не знал, чем они там занимаются, и не стал бы ломать над этим голову, если бы не шатенка. Ее лицо стояло у меня перед глазами – темные брови вразлет, прямой точеный нос,

пухлые губы!.. Я не знал, чья это девчонка. Но если она раньше крутила с рыжим, то теперь расклад, скорее всего, изменился. Блондин и круче, и симпатичней. Может, она сейчас целуется ним в затхлом подвале при свече?

Я три года не был с женщиной. Мысли о сексе неотступно преследовали меня, то разгорались в зависимости от настроения, то притухали. С этой шатенкой я закувыркался бы до потери пульса, если бы имел такую возможность. Генератор сексуального излучения работал в ней на полную мощность. Но в ней было и что-то другое, отчего в голове вихрились волнующие токи. Прежде всего я видел в ней человека, а потом уже женщину, которая могла бы снять мое напряжение. Вопрос только в том, какой она человек. Может быть, шлюха законченная?..

Бабушка вышла мне навстречу, со второго этажа сопровождала на четвертый. Вздвонванная, встревоженная.

– Что случилось? – спросил я, когда за нами закрылась дверь.

– Так про иродов же вспомнила! – Она всплеснула руками. – Ты же с ними сцепился, а я не поняла.

– Это ты о чем?

– Сам знаешь!.. От них всего можно ждать. Я и к участковому ходила, добила, чтобы подвал закрыли, а все бесполезно. Эти тараканы так и ползут туда. Спасу нет!

– А чем они тебе мешают?

Теперь я понимал, почему блондин не захотел связываться с бабушкой. Да и шатенка тихонько исчезла с ее появлением. Неплохие они, значит, ребята, если не лезут на рожон. А может, вынуждены бояться всего и вся, раз уж такие смирные. Наверное, натворили дел и ждут, чем все это закончится.

– Да как же не мешают! А если трубу в подвале сломают и мы без воды останемся?

– Это все? – спросил я, вспомнив, как блондин избивал рыжего.

Если они каждый день устраивают такой вот разгул, тогда не только участковый, а все местные менты должны на уши встать.

– Как это все? А на тебя кто сегодня полез?

– Может, я такой, что неприятности к себе притягиваю?

Я снял верхнюю одежду, зашел в ванную. Потолок здесь потемнел от сырости, а в углах и вовсе почернел. Кафельная плитка местами отвалилась, лампочка под потолком висит без абажура, светит блекло. И все-таки здесь во сто крат лучше, чем в зоновской бане, которую назвать так можно только очень условно. Я расслабился в тишине. Чертовски приятно было ощущать, как тепло от горячей воды подбиралось к холодным костям.

Я на самом деле притягивал неприятности. Это у меня еще с детства. Как пошел куда в одиночку, так и нарвался на люля-кебаб. Не всегда, конечно, но случалось. Да и в школе я дрался чаще других. Вроде бы и не цеплял никого специально, не задибался, но на пяточке за спортзалом частенько становился гвоздем программы. Слабаком я не был, мальчиком для битья – тем более. Все девчонки в классе почему-то хотели дружить со мной, а не с теми, кто их домогался. А ревность, она бывает с кулаками.

В десятом классе поводов для ревности стало еще больше, но меня уже никто не трогал. Тогда я был чемпионом области в полутяжелом весе и даже взял четвертое место на союзном первенстве по боксу. А еще на карате подсел.

И в институте я схлестнулся из-за девчонки. Мы были на студенческой дискотеке. Кто-то принес ядреную бормотуху, которая отключила голову, переместила мыслительные функции в бесстыжий передок. И я этим местом думал, и она.

Проснулись мы с ней в одной постели. Я в трансе, Лиля в шоке. Я-то плакать не стал, а она ударилась в слезы, а потом рассказала все своему парню. Тот бросился на меня с кулаками, а я сдуру крутанул вертушку, решил вдруг проверить ее эффективность в реальном бою. Пяткой в висок его и припечатал, причем от всей души.

Пацана еле откачали, к тому же он еще и ослеп на один глаз. Прокуратура возбудила уголовное дело. Ректор своим приказом отчислил меня из института, а суд отвесил мне три года условно.

Увы, но на этом история не закончилась. Новоиспеченный калека решил отомстить, подговорил своих дружков. Меня подкараулили ночью в темном месте. Лупили сильно, сломали нос и отбили печень. Я кому-то попал в кадык, и одним инвалидом в стране стало больше.

Мои условные три года трагически трансформировались в реальный срок. Я отбыл его от звонка до звонка, хотя и была возможность освободиться досрочно. Ее сломал один лагерный придурок, который попытался самоутвердиться за мой счет. Я заехал во взрослую зону молодым и смазливym пареньком.

Яша Балаган решил надо мной покуражиться, закрутил вокруг меня карусель, сам же с нее и слетел – в санчасть с двойным переломом челюсти. Ему бы оставить меня в покое, так нет, через год он снова наехал. Яша подкачался, набил кулаки, поставил удар. Зуб мне, скотина, вышиб, яйца отбил. Но я снова сломал ему челюсть, победил в том бою нокаутом, безоговорочно.

Увы, Яша не успокоился, стал готовиться к реваншу, но и я даром время не терял. Последний наш бой закончился моей победой, которая обернулась поражением. Из-за этого поединка начальник оперчасти завернул мое досрочное освобождение. Я остался в зоне, в то время как Яша откинулся по звонку через месяц после боя.

Разве я не притягиваю неприятности?

Глава 2

Вечером – водка, утром, на поправку здоровья – пиво. Вчера мы с отцом опохмелились с продолжением. Сегодня день тоже задался, потому что мы заранее позаботились о трехлитровой банке «Жигулевского». Деньги у нас есть, а отцовская знакомая работает в магазине. Она сама вынесет ему любой заказ, причем по госцене.

Пиво не совсем свежее, но такое холодное и очень легко пьется! Стакан почему-то норovil выскользнул из руки, упасть на пол и разбиться. Тут ополовиненная банка вдруг каким-то чудом переместилась к умывальнику. Я нахмурил брови, глядя, как пиво благодатной струей стекало в раковину.

– Хватит! – решительно сказала бабушка.

Отец лишь вздохнул. Он побаивался ее, но своему пристрастию не изменял. Позавчера пришел поздно, в изрядном подпитии. Зато вчера вернулся домой в середине дня, с водкой и пивом.

Я только рад был составить ему компанию. Я, конечно, не алкоголик, но выпить мне хотелось. Домашнее тепло и водка – отличные средства для обогрева души. И отец так сказал, и я так думал.

Он и раньше любил выпить, а после развода вовсе покатился по наклонной. Днем на работе держится, а вечером – на стакан. Иногда приходил домой, в другой раз ночевал у собутыльников. Бабушка его ругала, он перед ней каялся, а зашиваться не хотел.

– Сам не можешь без этого и сына учишь.

Отец взлохматил волосы, снова вздохнул. Бабушка все говорила правильно, он с ней соглашался, но пить не бросал.

– Ладно, пойду я, – сказал он, поднимаясь.

Сорок семь лет ему. Он и сейчас видный мужчина, высокий, статный, только седой и лоб весь в морщинах. Порода в нем чувствуется, а ее не пропьешь.

– Куда тебя понесло? – Бабушка всплеснула руками.

– Так работа у меня.

– Отгул у тебя! – Она осуждающе покачала головой.

– Нет, силовую установку в третьем цеху посмотреть надо. Я скоро. Давай, сынок, не скучай!.. Или со мной пойдешь? Я тебе фабрику покажу.

– Собутыльников он твоих не видел! – Бабушка с горечью посмотрела на него.

– Да какие собутыльники, – вяло возразил отец и махнул рукой.

Бабушка проводила его до двери, вернулась на кухню, села за стол, немного подумала и налила мне и себе по рюмочке.

– Тебе можно, ты с дороги. Но не увлекайся! – Она посмотрела на меня вроде бы строго, но с мольбой.

Я покачал головой. Нет, пьянство в моих планах на будущее не значилось. Их вообще пока не имелось, но алканить я не собирался. Работать буду, потом, когда судимость снимут, в институте восстановлюсь. Если откажут, дальше буду пахать где-нибудь на шабашках. Если, если!.. Теперь вся моя жизнь будет состоять из этих самых «если». На мне социальная проказа, черное пятно, и я должен с этим смириться. Как бы и в самом деле не поставить на себе крест, не скатиться к стакану!

– Пойду прогуляюсь, – сказал я.

Погода сегодня неплохая, дождя нет, солнце из-за туч выбивается.

– Куда пойдешь? – Бабушка подозрительно покосилась на меня.

– На барахолку схожу, – ответил я и пожал плечами.

В Ярославле я влез в свой старый джинсовый костюм, который еще четыре года пищал в унисон с последней модой. Сейчас штаны-бананы из вареной джинсы не носят, а донашивают. Это делают те, кому надеть нечего. Сейчас в почете джинсы-трубы, нейлоновые спортивные костюмы, кожаные куртки.

Денег у меня немного, на обновку их не хватит, но хоть по рынку похожу, посмотрю, что там почем. Заодно и развеюсь. Может, пивка выпью, если найду. Да и девчонку неплохо бы снять.

Планов у меня громадье, но все они какие-то смутные. Такое ощущение, будто я находился в подвешенном состоянии. Куда ни пойду, все буду перебирать ногами впустую, без движения.

Я оделся, спустился в подъезд. Дверь в подвал была настежь распахнута, рядом с ней – никого. В лестничной шахте горел свет, запах карбида стоял как после газосварочных работ. Может, ироды трубу сломали, как того боялась бабушка, вот и пришлось вызывать слесарей?

Я и сам не понял, как спустился по лестнице и оказался в большом квадратном отсеке, где вдоль стен тянулись трубы, как упакованные в утеплитель, так и водопроводные, меньшего диаметра, запорные вентили, краны.

Здесь тускло светила лампочка, а в следующем царила темнота. Но все-таки я продолжил путь, в глубине подвала заметил огонек, на него и пошел, переступая через высокие пороги в проходных проемах. Бетонный пол под ногами, воздух затхлый, но не сырой. Меня манил свет в конце тоннеля, и я заинтригованно шел на него.

Юная шатенка не выходила у меня из головы. Желание увидеть ее пересиливало страх перед блондином и рыжим. Вернее, даже не страх, а опасение. Как можно было бояться каких-то щеглов, пусть они хоть сто раз буйные? Уж кто-кто, а я знал, почем фунт лиха, и кулаками махать умел. Еще у меня в кармане лежал выкидной нож. Лезвие там тонкое, гибкое, чтобы нож не проходил как холодное оружие, но под него лучше не попадать.

Про нож я вспомнил, когда входил в освещенный отсек, но хвататься за него не стал. Там никого не оказалось. Обстановка здесь была типичная для подобных мест – два старых продавленных дивана, кресло без подушек, стол с обугленной ножкой, дырявый ковер на бетонном полу. Рядом с ним засаленная циновка, порванные картины на стенах, торшер без абажура, который и освещал эти подземные апартаменты. С потолка свисал провод, к нему была прикручена вилка от сломанного торшера.

За этим отсеком был другой, но темный. Может, там стояла кровать, а на ней шатенка в обнимку со своим блондином? Свет включить можно, но это слишком. Невозможно вторгаться в чужую личную жизнь. Я и без того чересчур много себе позволил. Уходить отсюда нужно, причем как можно скорей.

Но только я повернул назад, как услышал мягкие, легкие шаги. Уж не таинственная ли это незнакомка идет в мою сторону?

Диван был совсем убитый. Я боялся напороться задом на острую пружину, но все-таки сел, даже забросил ногу на ногу, раскинул руки по спинке.

Я не ошибся, в отсек зашла моя шатенка. Та же короткая стрижка, старая болоньевая куртка, разбитые сапоги. Только сама она изменилась, стала еще красивей. Это была игра света, или же я в силу своих чувств перестал замечать в ней изъяны?

– Какого ляда? – возмущенно протянула она, увидев меня.

– Тебя увидеть захотел, – сказал я, совершенно серьезно глядя на нее.

– Зачем? – спросила девчонка, выискивая подвох в моих глазах.

– А вдруг я в тебя влюбился?

– Влюбился?! – Она заметно опешила.

Я многозначительно молчал, подтверждая такую возможность. В конце концов, я мужчина, а она женщина. То естественное, что могло произойти между нами, вовсе не безобразно.

– Ты идиот? – выпучив глаза, с язвительной насмешкой спросила она.
– А в тебя может влюбиться только идиот? – Я изобразил искренне удивление.
– Ты чмо!.. Я видела, как ты перед Медяком струхнул! Самоед на тебя наехал, а ты за бабушкой своей спрятался, да? Ну и кто ты после этого?

– Слава меня зовут.

– Не слава ты, а позор ходячий!

– Ты не так все поняла, – стараясь держать себя в руках, сказал я.

– Что я не так поняла?

– Мне бы с Медяком поговорить, да и с Самоедом. Потом и с тобой познакомиться можно будет.

– Я с таким дерьмом знакомиться не хочу!

Я смотрел на нее и не знал, как поступить. Будь она парнем, я бы дал волю эмоциям и кулакам, но разве можно поднять руку на девчонку, тем более на такую?

Группа поддержки в лице Медяка и Самоеда должна была бы пугать меня. Их двое, я один. Если вдруг что, никто мне на помощь не придет, но страха перед ними не было. Когда они вдруг появились, я даже вздохнул с облегчением.

Сначала в помещение ввалился рыжий Медяк, за ним неспешно, небрежной походкой зашел светловолосый Самоед. Это было еще не все. Пока они в недоумении пялились на меня, в подвале появились еще четыре парня, два из которых производили гнетущее впечатление своей комплекцией. Вроде бы юные, но навалить явно могли любому, и молодому, и старому.

– Марго, откуда он взялся? – изобразив отвращение ко мне, спросил блондин.

– Да вот влюбился! – отозвалась шатенка.

За небрежной ухмылкой она прятала восторг, в котором держало ее мое полупризнание.

– В кого, в Медяка? – Самоед оскалился.

Парни, стоявшие за ним, самодовольно ощерились. Рыжий глумливо хохотнул, приложив ладонь к животу.

– С Медяком разобраться надо, – сказал я.

– Оба-на! – кровожадно взвыл рыжий.

– Я за этим и пришел. Если вы пацаны с понятиями, то махаться будем один на один. – Левой ладонью я провел по правому предплечью, будто закатывал рукава.

– Да мы-то с понятиями, а ты кто такой? – осведомился Самоед.

– Бабушкин сыночек! – лягнула Марго.

Я на нее даже не глянул. Симпатична она мне или не очень, но сейчас не до нее. Хотя эта девчонка и подняла меня на смех.

Громче всех в толпе смеялся Медяк. Этот парень ничуть не сомневался в том, что размажет меня по стенке. Но я понял, что боец он неважный. Мощный, но медлительный и неумелый.

– Ну так что, один на один? – спросил я, когда оскорбительный смех стих.

– Может, ты думаешь, что Медяк махаться не умеет? – пристально, с едкой насмешкой глядя на меня, спросил Самоед. – Так это ты зря. Медяк тебя порвет.

– Чему быть, того не миновать. – Я пожал плечами.

– Медяк тебя реально уроет. Здесь и закопаем!

Я кивнул. В зоне у нас был случай. Одного баклана убили и закопали прямо в цеху. Начальство погоню снарядило, в розыск его объявило, и только через два месяца собака разрыла могилу.

– Серьезная заява, – стараясь сохранять самообладание, сказал я.

– Ты согласен?

– А если моя возьмет?

– Уйдешь отсюда живой. – Самоед смотрел на меня, пытаясь заморозить взглядом.

Надо сказать, я ощущал холод, исходящий от него, но духом не падал. Я имел дело и не с такими крутыми, управлялся с ними, оставался пока живым и здоровым.

– Договорились.

– Медяк, ты как? – глянув на рыжего, спросил блондин.

– Пусть Грыжа за лопатой сходит, – заявил тот и хмыкнул.

– Пирожков поедим. – Марго нервно хихикнула, с тревогой глянула на меня и осеклась.

Самоед и Медяк не шутили. До нее это наконец-то дошло.

Медяк зашел в темное помещение, зажег свет. Это был своего рода спортзал. К потолку подвешен мешок с песком, к стенам пристегнуты макивары, в углу под скамьей самодельная штанга, гири, гантели. Пол бетонный, чуть ли не отшлифованный подошвами. Еще я заметил на нем бурые пятна. Наверняка пацаны устраивали здесь спарринги между собой, кровь проливали.

Я не видел в Медяке серьезного противника и все-таки отнесся к нему со всей осторожностью. Как оказалось, не зря. Он атаковал меня внезапно, едва я только остановился посреди подвального зала. Все правильно. Сигнал к началу поединка никто не подавал, но война ведь объявлена.

Зона многому меня научила. Поэтому я встретил противника во всеоружии, вовремя ушел от его атаки. Кулак, размашисто выброшенный в мою сторону, промелькнул у меня перед носом. Медяк тут же ударил снова, с другой руки. Бил он мощно, но медленно и лапотно, и я не мог этим не воспользоваться.

Я дважды уклонялся от ударов с разворотом вправо, а на третий раз продолжил это движение, раскрутив тело вокруг оси. В бою с серьезным противником удар с ноги опасен для того, кто его наносит, а в схватке с Медяком он будет в самый раз. Я в отличной физической форме, почва под ногами прочная, пространства для маневра предостаточно.

Я провел вертушку и до конца выпрямил ногу лишь в тот момент, когда пятка поравнялась с лицом противника. Это был выстрел, который сбил Медяка с ног. Точный, невероятно мощный удар в подбородок вырубил его напрочь.

Столь эффектные удары проходят, как правило, только в показательных поединках и в кино, а я смог проявить себя в реальном бою. Самоед с открытым ртом смотрел на Медяка, который мешком лежал на полу без признаков жизни. Затем он с затаенным восторгом глянул на меня. Марго же просто не сводила с меня восхищенного взора.

– Ну, ты в натуре!.. – выдавил из себя Самоед.

Амбал из этой команды склонился над Медяком и стал приводить его в чувство.

– Жить буду? – спросил я.

– Если со мной справишься! – Самоед вдруг скинул куртку, пружинисто перенес вес с одной ноги на другую.

Он разминался перед боем. Ему было все равно, принял я вызов или нет. Самоед как будто уже считал, что участь моя решена. Позавчера я видел, с какой легкостью он порвал Медяка. Хотя вряд ли этот парень рассчитывал на легкую прогулку. Взгляд у него жесткий, сосредоточенный. Он готовился к серьезной драке. Что ж, тогда и мне придется биться не на жизнь, а на смерть.

Медяка я взял на контратаке. Возможно, именно на такую тактику с моей стороны рассчитывал и Самоед. Поэтому я атаковал первым.

Плох тот боец, который не умеет защищаться. Для спортивного спарринга, может, так оно и есть, но в реальном бою не выстоит тот, кто не готов побеждать. Здесь совсем не важно, сколько раз тебя съездят по физиономии. В такой схватке главное – уйти от нокаута и нанести решающий удар. Пропущенные тычки и оплеухи не в счет. Надо крепко держаться на ногах и бить, бить!..

Я работал неистово, иногда пропускал встречные удары, но гораздо чаще взламывал оборону противника. Самоед явно не ожидал от меня такого натиска. Он дрогнул, попятился назад и тут же пропустил размашистый удар сверху вниз. Мой кулак с дикой силой врезался ему в переносицу. Самоед просел в коленях. Он терял сознание, но при этом пытался сохранить равновесие. Кто-то из качков поймал его, схватив под мышки.

В полную отключку Самоед так и не ушел, но в себя приходил тяжело и долго. Медяк очухался скорее. Он смотрел на меня растерянно и подавленно. Я не смог разглядеть в нем никакого желания взять реванш.

– Ты откуда такой взялся? – спросила Марго.

– К бабушке приехал.

– Ну, приехал и приехал! К нам чего лезешь?

– Я лезу?..

Марго прикусила язык, вспомнив, кто начал первым.

– Можешь идти, – махнув рукой на выход, сказал Самоед.

Взгляд у него был затуманенный, язык заплетался. Ему бы сейчас на свежий воздух. Но я не собирался давать советы, кивнул и повернулся к нему спиной.

– Бабуле скажи, чтобы нас не доставала, – осторожно проговорил мне вслед Медяк.

Я сделал вид, что не услышал его.

Марго бы я услышал, но она молчала. Девушка не пошла за мной, а ведь я на это надеялся.

На барахолку я не пошел, не захотел светить фингалом, который надувался над глазом. Победа любой ценой не прошла для меня даром, но я об этом не жалел. Фингал пройдет, а честь останется. Я хоть и уголовник, но ею дорожу.

Глава 3

Девочка должна уважать себя и свое будущее, стремиться к хорошему образованию, готовиться к удачному замужеству и мечтать о здоровом ребенке. И мама так говорит, и бабушка, и отец поддакивает. А как быть, если мне хочется жить настоящим, а учиться нет желания?

Курить нельзя, потому что это может навредить моему будущему ребенку! А если я жить не могу без сигареты? Да и выпить не дура! Кто сказал, что я хочу быть матерью? Грехов на мне много, поэтому на непорочное зачатие не надеюсь, а под мужика я и под расстрелом не лягу.

Многие девчонки в мои семнадцать боятся секса, но мечтают о нем, а мне такое удовольствие и даром не нужно. Это дело получить проще простого, только пальцем помани, желающие в очередь выстроятся.

Длинный хвост желающих попользоваться моим телом вытянулся уже давно. Причем эти охотники не стоят, а движутся по кругу. Если послушать местных сплетниц, так я с кем только не спала! Мать на меня орет, визжит, шлюхой называет, отец все выпороть грозит. А по своей натуре я еще та пофигистка. С меня как с гуся вода. Ну, шлюха и шлюха!..

Я не такая и жду трамвая, но кто в это поверит? Да, я сызмальства таскаюсь с пацанами. Самоед, Медяк, Буян, Грыжа, Федюк, Лузган, Жульен – это моя семья. Гулящая Белоснежка и семь гномов с большими яйцами. Так все и думают, а мне по фигу. Это не я испорченная, а те, кто так считает, судит меня по себе. Как будто девчонку ничего кроме траха и волновать не может! Плевать я хотела на трепачей, но если кто-то мне в глаза это озвучит, тому я голосилку вырву. Я ведь и пасть порвать могу, и моргала выколоть, за мной не заржавеет. Да, я такая, и если что не так, могу бросить под трамвай!

Мне нравится тусоваться с пацанами, смотреть, как они таскают железо, молотят груши. От запаха их потных тел меня не тошнит, хотя мысль о сексе с ними приводит в тихий ужас. Я с удовольствием курю, пью вино, слушаю сальные шутки. Иногда они хватают меня за ляжку. Я даже жду таких вольностей, ведь каждая из них позволяет мне вклеить звонкую пощечину обидчику. А рука у меня тяжелая, бью я от души. Поэтому озабоченные перевелись, если не считать Медяка.

Я и пощечины ему отвешивала, и кулаком в нос била, а этому поганцу хоть бы хны. То за задницу меня схватит, то за грудь. Я ему в морду, а он только улыбается, мазохист хренов.

Он и позавчера огреб за такие дела, да и не только от меня. Самоед наехал на него. Хватит, мол, лезть к девчонке. Медяк психанул, послал его подальше, хотя из подвала ломанулся сам. Самоед нагнал его и вломил на полную. Вчера Медяк весь день где-то пропадал, а сегодня пришел как ни в чем не бывало. Самоед ему даже слова не сказал, еще и подписался за него, пошел против Славы. На свою голову!.. Она у него теперь болит, и перед глазами наверняка до сих пор все двойится.

– Бабушкин сыночек, блин! – заявил Самоед, угрюмо глядя вслед своему обидчику. – Я думал, он меня убьет.

Я и сама так почему-то подумала, глядя, с какой силой Слава обрушился на него. С Медяком он как будто игрался, уходил от ударов, а потом как вертанет с ноги!.. Картинно это у него получилось, прямо как у Ван Дамма в кино. А на Самоеда он набросился как деревенский Ванька. Никакой техники, кулаками как топорами махал, казалось, насмерть собирался его зарубить. Я, честно говоря, до сих пор в трансе.

Непростой он парень, этот Слава. Правильные черты породистого лица, интеллигентная наружность с признаками мягкотелости, но взгляд у него при этом жесткий, заматерелый. Улыбка вроде бы добрая, но за ней волчья суть. Я наезжала на него, оскорбляла, а он смотрел на меня пристально, поджав губы. Мне казалось, что его взгляд вот-вот нальется кровью. Этого не случилось, но мне все равно стало не по себе.

Когда он показал клыки, загрыз Самоеда, меня даже потрянуло изнутри от страха. Правда, это не помешало мне наехать на него. Я ведь не боялась, когда раскрывала на него рот. Я действительно нравилась ему. Он не посмел бы поднять на меня руку, даже словом не оскорбил, как иной раз делал тот же Медяк.

Он ушел, а у меня перед глазами осталась его добродушная улыбка человека, уверенного в себе. Слава не побоялся прийти в подвал, где мог остаться навсегда, с легкостью признался мне в своих чувствах. Вроде бы и в шутливом тоне со мной говорил, но меня же не обманешь. Я видела, как он смотрел на меня, и все понимала. Нравлюсь я ему, но что теперь с этим делать? Парень, конечно, видный, но мне вовсе не хочется крутить с ним роман. Да и чужой он, а я и со своими-то не желаю.

– Откуда он такой взялся? – озадаченно спросил Самоед.

В его тоне угадывались уважительные нотки. Оказывается, он умел проигрывать.

Смешно оно или нет, но на моей памяти это его первое в жизни поражение. Он был грозой школы и во дворе держал всех в кулаке. Самоед дрался лучше всех. Во всяком случае, я не знала человека, который мог бы взять над ним верх. Был случай, когда на него навалились вшестером. Тогда ему сильно досталось, но в итоге он победил – и на ногах устоял, и толпу разогнал.

Самоед был самым-самым. Я всерьез так считала и не разочаровалась в нем даже сейчас. Ну, нарвался, огреб – с кем не бывает? Он ведь остался прежним Лешей Самоедовым, красавчиком и рубахой-парнем.

Девчонки бегают за ним, а он их меняет как перчатки. Самоед относится к ним с небрежностью баловня судьбы. Ко всем, только не ко мне. Со мной он на равных. Даже лапоть меня ни разу не пытался, и я ему за это очень благодарна.

Нравится он мне, я от него реально балдею, но переспать с ним совершенно не желаю. Пацаны его тоже любят, но ведь никто из них не хочет ему отдаться. Нас связывает крепкая мужская дружба, хотя такой расклад меня расстраивает. Я могу дышать к нему ровно, а он просто обязан любить меня как женщину. Такая вот должна быть схема!

Я всерьез так считаю, хотя и не мечтаю о его любви. Я женщина, значит, эгоистка. Мне хотелось видеть его у своих ног. Но спать с ним я не собиралась. А вот если он вдруг влюбится в кого-то, то я очень на него обижусь. Возможно, выцарапаю этой сучке глаза, и пусть Самоед мне потом предьявляет!

– Красная Шапочка принесла бабушке пирожки, – с усмешкой сказала я.

Но, скорее всего, Слава – Серый Волк, и к бабушке он шел вовсе не с пирожками. Шаггал себе и напоролся на дровосеков, только вот дальше сказка не заладилась. Опустил он этих дровосеков ниже плинтуса.

– Бабушке пирожков, а нам тогда чего? – угрюмо спросил Медяк.

– Люлей, – ответила я.

– Ответку давать надо.

– Какую ответку? Он с тобой по-честному, – возмутилась я.

– Без падлы все было, – кивнул Самоед.

Я видела позавчера, как Медяк толкнул Славу. Тот ведь собирался проглотить обиду, но увидел меня и отыграл назад, назвал Медяка козлом. Он не хотел ударить передо мной в грязь лицом и сегодня сделал все, чтобы заслужить мое уважение.

Слава повел себя как настоящий мужчина и заслуживал уважения. К тому же он реально красавчик – породистый, высокий, статный. Да и прикид у него не стремный, хотя и не модный.

Чужой он, но я бы с таким задружила. Лишь бы только он под юбку не лез. Поцелуйчики – это еще куда ни шло. Хотя лучше обойтись без них.

Сначала Самоед щелкнул перед моим лицом пальцами, затем помахал рукой.

– Эй, о чем ты думаешь? – спросил он, внимательно глядя на меня.

- А что такое? – очнулась я.
- Я тебя спросил, почему не отвечаешь?
- Что спросил?
- Что ты обо всем этом думаешь? Ты влюбилась? – невесело поинтересовался Самоед.
- Влюбилась?! – Я оторопело уставилась на него.
- А чего в себя уходишь?
- Я?! В себя?!

А ведь он прав, я действительно ушла в свои мысли. Представила, как целуюсь со Славой, и ушла. А ведь меня не стошнит, если я отвечу на его поцелуй. Только нужно ли это мне?

– Ага! – Медяк ухмыльнулся. – Наша Марго только в себя и может влюбиться.

– А Слава этот в тебя втюрился, да? – вспомнив недавний разговор, ехидно спросила я. –

Он морду тебе набил, чтобы ты никому не достался.

– Смотри, Марго, влюбишься в меня!.. – Медяк опять хмыкнул.

Мои уколы не выводили его из себя. В ответ на пощечины он только улыбался. Медяк все мечтал, что когда-нибудь я влюблюсь в него по уши и превращусь в преданную собачонку, которую можно безответно пинать ногами.

– А у тебя зубов на мою любовь хватит?

– Он вставную челюсть закажет, – заявил Самоед.

– А кому он с ней нужен будет?

– Сначала рецепт на такую челюсть надо выписать. Если честно, я бы кому-нибудь его нарисовал. – Леша с ожесточением ударил кулаком по своей ладони.

– Ну так Славу и осчастливим! – вскинулся Медяк.

– Один на один пойдешь? – колко спросила я.

– Зачем?

– Что, всемером одного не боишься?

Какое-то время Медяк озадаченно смотрел на меня, не зная, чем крыть, и вдруг его про-
рвало:

– Толпой на самарских идти надо! Дрозда им вставим и пятак заберем!

Он говорил о пацанах с улицы Самарской. Банда там серьезная. Если кто-то и мог с ней справиться, так только Самоед. Он и своих парней поднять мог, и соседних. Только за ним они и пойдут, а всех остальных пошлют как можно дальше.

Пятаком называлось местечко между стадионом и больницей. Там сейчас барахлом торгуют, а самарские с продавцов шерсть стригут. Хочешь работать без проблем – плати, а нет – так проваливай. Будешь возникать, на аптеку трудиться заставят. В Москве, говорят, рэкет в полный рост ходит, и здесь та же песня.

– Как бы нам самим в пятак не вставили. – Самоед в раздумье покачал головой.

– Кто, самарские?

– Менты! За такие дела нас и закрыть могут.

– Самарских не закрывают.

– Сегодня нет, а завтра?..

– Откупиться можно, – заявил Медяк и пожал плечами.

– И кто к ментам с этим делом подъедет? Неужто ты?

– Могу и я.

– А если денег не хватит? – Самоед усмехнулся. – Вдруг эти бабки тебе в одно место вставят?

– Волков бояться, в лес не ходить.

– А кого в лес тянет? Лично мне и здесь неплохо.

Следующей весной Леша оканчивал техникум, дальше – армия, а там видно будет. Ментов он терпеть не мог, но при этом не исключал, что сам когда-нибудь запишется в патрульно-постовую службу.

– Так ты же хотел оторваться, – напомнил Медяк.

– И хочу! – Самоед сорвался со своего места. – У меня тетка двоюродная на пятаке торгует.

Он не желал связываться со Славой, но при этом ему нужно было взять реванш за свое поражение. Неважно, на ком отыгрываться, лишь бы противник соответствовал. А самарские – реальная сила. На них не грех оторваться.

Самоед и раньше собирал пацанов против самарских, дрался с ними стенка на стенку, но никогда еще не оспаривал у них барахолку. Хулиганство – это одна статья, а вымогательство – совсем другая, там и сроки разные. Если по первому делу можно получить условно, то за второе – сразу на нары!

Сегодня Самоед собирался выгнать самарских с барахолки, выпустить пар, восстановить справедливость. Должен же был кто-то защитить его двоюродную тетку.

За дело он взялся всерьез, подключил и меня. Надо было договариваться с Геной Колодзяным и его пацанами. Мое присутствие должно было вдохновить их на драку. Если уж девочка готова идти против самарских, то им запахло оставаться в стороне.

Глава 4

Толпа на толпу, сила на силу, дух на дух. Чья воля к победе окажется сильнее, тот и возьмет верх. Коля Рогачев привел за собой два десятка бойцов, а у Самоеда всего полтора, но в таких делах побеждают не столько числом, сколько умением. Только вот у самарских цемент крепче, их сплачивают деньги, стремление к ним. Самоед мог предложить фабричным пацанам только возможность подраться. Именно поэтому он и не собирался ввязываться в перепалку с Рогачевым.

Самоед ударил его с ходу, быстро, размашисто, убойно. Рогач поставил блок, но все-таки пошатнулся. Тут же последовала вторая атака, за ней третья. Самоед бил как заведенный, срывая зло за свое вчерашнее поражение. При этом, как мне казалось, он подражал Славе с его стилем бешеного быка. В итоге Рогач сначала потерял инициативу, а затем и сознание. Пацан он здоровый, и выбить из него дух совсем непросто.

Одна волна захлестнула другую – шум, брызги, кровавая пена. В ход шли кулаки, кастеты, арматурные пруты. Я умела драться, но наблюдала со стороны за этим беснованием уличной стихии. Все-таки я девчонка, и меня нужно беречь.

Но в сторонке мне отстояться не позволили.

– Гляди, прошмандовка фабричная!

Я обернулась на голос и увидела двух девчонок: длинноволосую блондинку и коротко стриженную брюнетку. Обе высокие, стройные, даже красивые. Одеты конкретно – кожаные курточки, свитера. У одной джинсы белые, у другой голубые. Полусапожки на шпильках. Наштукатурены как японские гейши, хотя сами по себе – русские шлюхи. Шалавы пришли поболеть за своих гребарей. За эти кожаные куртки да за модные джинсы их и гребут, и пашут.

Я возмущенно вскинула брови и, ничего не говоря, двинулась к ним. Леша Самоедов мой кумир. Он в разговор с врагом не вступает, а сразу бьет. Я резко выкинула кулак вверх, задержала его на мгновение, насыщая мышцы силой, и рубанула им под легким углом сверху вниз. Глазастая брюнетка слетела с копыт, плюхнулась на спину и высоко задрала ноги. Жаль, что она в джинсах, а не в юбке, а то выставила бы напоказ всю свою срамоту.

– Ах ты сука!

Одной рукой блондинка вцепилась мне в волосы, а другой ткнула в лицо. Ногти у нее длинные, острые. Похоже, она собиралась выцарапать мне глаза, но не на ту нарвалась. Женский стиль для меня как для слона дробина.

Блондинка сразу должна была понять, с кем имеет дело. Для этого достаточно было глянуть, как я разделала под орех ее подружку. Но она не врубилась и вцепилась мне в волосы. Носик у нее такой нежный, хрупкий, а я по нему локотком, да с размаха! Губы пухлые, сочные, рабочие, а я по ним кулаком так, что аж зубы у нее затрещали!

Первой задницу от земли оторвала брюнетка. С ужасом глядя на меня, она помогла подняться подружке. Девицы подались к своим в поисках защиты. Но фабричная братва уже добивала самарских рэкетилов. Поэтому барышням пришлось искать спасения в позорном бегстве.

– Привет сутенерам! – крикнула я вдогонку.

– Мы еще встретимся! – пискнула блондинка, худенькая, тоненькая и необыкновенно женственная.

Но мне плевать, какая она. Я ведь не пацан, а баба, и церемониться с ней не собираюсь. Я схватила камень и швырнула в нее.

Все-таки я ее пощадила, могла попасть в затылок, а угодила в спину. Это был маленький камушек, а у моей ноги лежал увесистый булыжник. Пусть только эта сучка что-нибудь скажет!..

Но блондинка лишь жалобно пискнула и ускорила бег. Смотреть на нее было одно удовольствие. Попка у нее знатная. Она так забористо ею виляла – залюбуешься. Как бы не уцепил ее кто из фабричных да и не поимел в качестве боевого трофея!

Но блондинку нагнал самарский парень, убегающий от расправы. За ним потянулись и остальные. Враг в панике разбежался, и поле боя осталось за фабричной братвой. Впрочем, для Самоеда это было привычно. Он важно, со спокойствием победителя наблюдал, как Медяк тряс за грудки поверженного Рогача.

– Пятак на Спортивной наш, понял?

Но Самоеда больше интересовал другой вопрос.

– Слышь, Рогач, а почему тебя твои пацаны бросили?

Коля отвел в сторону глаза. Самоед сделал из его лица отбивную, но это ерунда по сравнению с тем, что самарские разбежались. Они бросили своего жоака, отдали его на съедение врагу. Все, это уже не команда, а сброд. Теперь Рогач ничего собой уже не представлял, был достоин лишь того, чтобы об него вытерли ноги. Ведь он не сам по себе слился в отстой, это Самоед превратил его в помойную жижу. А еще сегодня утром Коля считал себя первым парнем на деревне!..

Зря Медяк втолковывал ему про пятак у стадиона. Все, самарские закончились. Но Самоед и не пытался отрывать приятеля от жертвы. Медяку досталось! Бровь рассечена, под глазом набухла шишка, щека содрана, губы разбиты в кровь. Ему пар спустить надо, да и Рогачу не помешает сеанс профилактики.

– Ты кого там ушатала? – с насмешкой глядя на меня, спросил Гена Колодяжный.

Мощный он парень, но низкорослый. Коренастый, угловатый, голова кубом, лицо квадратом, а глаза ромбиками. Брови согнуты под прямым углом, нос будто вырублен скульптором-недоучкой, даже ямочка на стесанном подбородке прямоугольная.

– Да сучки какие-то приходили. Мол, кто победит, того и приголубим. – Я скривила губы в презрительной насмешке.

– Мы победили.

– А они убежали.

– Так мы что же, остались без сладкого?

– А ты догони.

– Зачем? Мне больше нравишься ты. – Гена неосторожно взял меня за руку и тут же поплатился за это.

Я ударила его ногой – от бедра, с оттяжкой. Он схватился за яйца, стиснул зубы и злобно посмотрел на меня. Ему хотелось выть от боли, но через плотно сжатые губы не прорвался даже стон.

– Мужик! – одобрительно заявила я.

– Мужик, – согласился со мной Самоед.

– Извини, погорячилась. Но и ты так не шути.

Гена со свистом выпустил из себя воздух, вытянул руки по швам, натянуто улыбнулся и спросил:

– А если ты реально мне нравишься?

– Ты мне тоже, но я не твой трофей, – сказала я, обняв Лешу за талию.

Если я вдруг и сдамся кому-то на милость, то ему. Он ведь реально завоевал меня. Я не хочу с ним спать, но если вдруг, то не откажу. Была не была!..

– Эй, а с пятакон что делать будем? – спросил Медяк.

Все бы ничего, но этот придурок снял мою руку с талии Самоеда. Еще бы себе положил!

– А что ты предлагаешь? – спросил Леша и недовольно глянул на него.

– Как что? Там вся братва самарская одевается...

– Больше не будет.

– Так мы будем!

Какое-то время Самоед пристально смотрел на Медяка, затем хмыкнул и махнул на него рукой. Он сам вдруг обнял меня за талию и повел в сторону нашего дома.

Я сопротивляться не стала, зато возмутился Медяк:

– Эй, вы куда?

Но Самоед снова махнул на него рукой и при этом даже не обернулся.

– Ты же мой трофей? – неожиданно спросил он.

– А ты этого хочешь? – разволновалась вдруг я.

– Хочу. Я же мужчина.

Я вдруг почувствовала себя овцой, которую опоили дурманом и вели на заклание. Я балдела так, что не чувствовала под собой ног, даже не заметила, как мы оказались во дворе нашего дома. А там я увидела Славу.

Он шел нам навстречу, никуда не торопился. Взгляд у него был невеселый, но походка при этом бодрая, энергичная. Увидев меня, Слава внутренне и внешне подобрался, расправил плечи. Его шаг стал пружинистым, а вот взгляд – совсем грустным. Я держала Самоеда под руку, и вид у меня такой же взволнованный, как у целки в первую брачную ночь. Я ведь все понимала, знала, куда иду. Все эти переживания отражались в моих глазах.

Самоед по-свойски подмигнул ему, но небрежно махнул рукой, когда Слава попытался заговорить с ним. Дескать, не до тебя, парень, когда такие дела намечаются.

Я глянула на Славу с искренним сожалением. Да, я понимала, что нравлюсь ему, но раз такое дело, то первым у меня будет Леша. Очередь за ним занимать не стоит. Он же станет и последним!

Слава все понял и оставил нас в покое, но я спиной почувствовала его разочарованный, полный досады взгляд.

Леша открыл дверь в подвал своим ключом. Мы спустились по лестнице в первый отсек, перешли в следующий. Сколько раз я проделывала этот путь, но еще ни разу не шла по нему в обнимку со своим кумиром и вожаком.

– А он что, реально в тебя влюблен? – усадив меня на диван, спросил Самоед.

– Кто влюблен? – не сразу поняла его я.

– Слава.

– Он так сказал.

– А я это видел.

Леша достал из заглазника бутылку портвейна, сорвал пробку, наполнил стакан.

– Давай первая! За победу!

– Ну, если за победу.

Я залпом выпила до дна, и Самоед сунул мне в губы зажженную сигарету.

– Ты знаешь, как угодить женщине, – сказала я, с удовольствием выпустив под потолок струю дыма.

– Я всегда мечтал угодить настоящей женщине. А ты хочешь настоящего мужчину? – спросил он.

– Настоящего? Конечно, хочу!

Я хмелела от вина и от кондовой мужской мощи, которой обволакивал меня Самоед. Я балдела от этого крутого парня и хотела покориться ему. Неважно, что сама мысль о сексе с ним несколько меня не возбуждала. Сколько женщин ложатся под мужчин без всякого желанья, и ничего. К тому же такой аппетит, если верить девчонкам, приходит во время еды. Они чертовски глупые, эти девчонки, но мне хотелось им верить.

– А я настоящий?

– Ты настоящий!

– А Слава?

– Пошел он к черту!

– Пусть туда и идет, – согласился Самоед.

Он осушил стакан, налил мне, и я смело выпила. Чем больше спирта в крови, тем легче она воспламеняется.

Леша сел рядом со мной, правой рукой развел мне ноги, после чего вдруг повернулся на бок и втиснул между бедрами свою коленку. Его левая рука полезла под свитер.

В подвале сыро и зябко. Если Самоед хочет раздеть меня догола, то я против. А под курткой и свитером пусть делает все, что ему угодно.

Он вдруг стал стаскивать с меня сапоги. Пока Самоед возился с ними, я взяла бутылку, стоящую на полу, наполнила стакан, залпом выпила. Мне срочно нужно было возбуждаться, по-настоящему захотеть Лешу. Иначе это будет не секс, а игра в одни ворота. Мои!..

Я лихорадочно закуривала сигарету, когда он стаскивал с меня колготки. Я глубоко затаилась, когда Самоед лег между моих ног. Он полез целоваться, и я выпустила в него дым. Леша закашлялся, и мы оба засмеялись этой удачной шутке. Только в этом смехе было больше нервозности, нежели искреннего веселья.

Он забрал у меня сигарету, затушил ее о подлокотник дивана и отбросил в сторону. Его язык влез мне в рот, скользнул по небу, и к горлу вдруг подступила тошнота. Конечно, Самоед настоящий мужчина, но эти его горькие от никотина слюни, перегарная вонь!.. Я оттолкнула его, но вырваться не стала. Пусть продолжает, но только без поцелуя.

Он все понял и переключился на нижнюю часть моего тела. Никакой романтики, сплошное издевательство над организмом. Что-то твердое и горячее куда-то бестолково тычется!..

– Ты меня хочешь? – раздосадованно спросил он.

– Хочу.

– Так помоги мне!

Я не знала, чем ему помочь. Может, мне нужно расслабиться?

Так я и поступила, но Леша не смог войти в меня. Где-то в отдалении послышались возмущенные голоса. Он соскочил с меня. Я потянулась за колготками, но они валялись где-то за диваном, а голоса стремительно приближались. Тогда я сунула голые ноги в сапоги, застегнула куртку.

В это время в отсек нагрянула целая делегация с бабушкой Славы во главе. Участковый, сантехники из ЖЭКа, еще какая-то женщина с праведным гневом в бешеных глазах, а я с голыми ногами под запахнутой курткой. Колготки валялись где-то на бетонном полу, да и юбка там же.

– Ну что я говорила! – Глядя на меня как на последнюю тварь, бабка всплеснула руками. – Устроили здесь притон.

Самоед не растерялся, презрительно посмотрел на нее, подошел к участковому и заявил:

– Товарищ капитан, разговор есть!

С деловым видом он отвел мента в сторонку и что-то негромко ему сказал.

Тот согласно кивнул, осуждающе глянул на меня и сказал своим спутникам:

– Товарищи, вопрос улажен, попрошу на выход!

Женщины не хотели уходить, поэтому ему пришлось раскинуть руки, чтобы взять их в охапку и увести.

– Что ты ему сказал? – спросила я, когда они все убрались.

Дурная слава шла обо мне давно. Я это знала, поэтому презрительные взгляды общественников не вывели меня из себя. Хотя и приятного в этом было мало.

– Заявил, что мы закрываем лавочку. Больше мы здесь не появимся. Я слово дал.

– А стоило?

Самоед молча поднял с пола колготки, юбку, подал мне. Ну да, бабка с теткой могли бы дать волю своим рукам, сорвать с меня куртку, чтобы выставить на обозрение мою сущность.

Они так и поступили бы. Самоед все сделал правильно. Лучше дать честное слово, чем выставить меня на посмешище.

Он в очередной раз повел себя как мужчина, и я должна была его за это отблагодарить. Только пусть не просит меня раздвинуть ноги. Я уже по горло сыта этим неудачным экспериментом. Мужчины меня не возбуждают, а насилия над собой я не хочу. Даже с Лешей не могу!..

– А Слава козел! – с возмущением сказал Самоед. – Навел бабку, блин!

– Думаешь, это он учинил? – спросила я и сама же себе ответила.

Слава понял, куда мы и зачем с Лешей идем, позавидовал и решил обломать нам кайф. Бабка стала его секретным оружием. Действительно козел! Меня, девочку невинную, на посмешище выставил. Теперь пойдет гулять молва, какая Рита Суворина шлюха. Еще и на стенах напишут, а тетка из ЖЭКа не позволит забелить этот срам.

– А разве нет?

– Навел.

– Ты ведь никогда ни с кем не была, а они хай поднимут.

Оказывается, Леша и думал в унисон со мной.

– Почем зря, – добавила я.

– Почем зря, – кивнул он.

– Может, меня нужно привести в соответствие?

Мне вдруг стало так обидно за себя, что я сама взяла Самоеда за руку, села на диван и потянула его за собой. Колготки я так и не надела, юбка в руке, а злость толкала на безрассудство.

Леша навалился на меня, и я раздвинулась под ним. В его движениях наметился успех, когда вдалеке снова послышались голоса.

Я глянула в сторону отсека, который мы использовали как спортзал. Там я могла и одеться, и заправиться. Почему я сразу не попыталась там скрыться?

Хорошая мысль приходит опосля, но и тогда она бывает кстати. Из спортзала я, вполне себе одетая, вышла к пацанам, которых привел за собой Медяк. Там были Буян, Грыжа и Гена Колодяжный со своим другом. Может, кто-то и подумал, что я там одевалась после траха, но ведь никто не видел меня с голыми ногами, без юбки. Да пусть кто-нибудь посмеет ткнуть в меня пальцем!

– Раздевайся! – глядя на меня, заявил Медяк и возбужденно оскалился.

У меня аж дух захватило от такой наглости.

– Смотри, что я тебе притаранил!

Он развесил на руках белые джинсы, точно такие, как те, которые были сегодня на блондинке.

– Твой размер! – в ожидании моего восторга протрубил Медяк.

– Откуда?

– От верблюда! Они, блин, товар на пятак завезли, а мы пошлину сняли!

Он смахнул со стола баул, высыпал из него на диван свою добычу: спортивные костюмы, джинсы, кроссовки. Здесь была даже кожаная куртка.

– Убери это! – строго сказал Самоед.

– А что такое? – вскинулся Медяк.

Он чувствовал себя героем дня, а Самоед покушался на его славу.

Но Леша пронзил его взглядом, и он вжал голову в плечи. Не тот у Медяка вес, чтобы оспаривать слово старшего.

Сначала Самоед придавил его своим авторитетом и только затем объяснил ситуацию:

– Участковый здесь был. Как бы снова не появился.

– Участковый?.. Так ты от него пряталась? – Медяк просиял.

– Нет, трахалась с духом Брюса Ли. – Я скривила губы и кивнула в сторону спортзала. – Заходи, он и тебе вставит!

– Нет, спасибо, мы как-нибудь на двоих покурим. А чего менту надо?

– Закрывают нашу лавочку, – сухо сказал Самоед.

– Сколько раз закрывали?

– На этот раз без базара.

– Ну и черт с ним! У нас теперь бабла хватит! Дом снимем, там зажигать будем.

Самоед косо глянул на него, но промолчал. Медяк, похоже, воспринял это как признак слабости. Придурак он, если так подумал. Не мог Самоед быть слабаком, не той он породы, в отличие от некоторых. Уж насколько круто Слава себя поставил, а на поверку оказался позорным стукачом. Так и надо будет ему сказать.

– Чего стоишь? Раздевайся! – Медяк протянул мне джинсы.

Я посмотрела на Самоеда. Как он скажет, так и будет. Он кивнул, разрешая принять подарок.

Я взяла джинсы, вернулась в спортзал, включила там свет и надела обнову. Брюки оказались мне как раз, что называется, тютельница в тютельку. В них я и вышла к парням.

– Супер! – восторженно протянул Медяк, взял кожаную куртку, набросил ее мне на плечи. – Блин, да она тебе как раз!

Я надела куртку, но, увы, она была размера на три больше моего. К тому же мужская, хотя это, в принципе, и не имело значения. А кожа классная, лайковая.

Я с сожалением вернула куртку Медяку и сказала:

– Все равно спасибо!

– Да ты не кисни, я из тебя такую куколку слеплю! Королевой будешь!

– Чьей королевой? – спросила я, глянув на Самоеда.

Я хотела быть его королевой. Если стану ею, то одевать меня будет только он, а не кто-то еще.

– Моей королевой будешь! – заявил Медяк.

– А ничего не треснет?

– Ничего, склеим!

– Губы себе залепи, а то раскатал!

Медяк ничуть не обиделся и задиристо подмигнул мне. Дескать, никуда ты от меня не денешься.

– Шмотки пусть пока побудут у тебя, – заявил Самоед, сурово глянув на него. – Ты на это дело забился, так что если возьмут за задницу, то сам и ответишь.

– Так я для всех... – начал было Медяк, но Леша его перебил:

– Замолчи и слушай сюда! Как для всех быть, мы потом думать будем. Завтра собираемся... – Самоед осекся, многозначительным взглядом обвел помещение, набрался решимости и четко продолжил: – Да, завтра собираемся в баре «Оазис».

– Где? – подал голос Медяк.

– А что такое? – усмехнулся Самоед. – У тебя же бабла валом!

– Ну, не валом. Пока только шмотками взяли.

– А чем «Оазис» хуже твоего пятака? С него что, нельзя снимать?

– Почему нельзя?... – взбодрился Медяк. – Если там самарские лапу запустили, то всех на фиг! Теперь наша власть.

– Наша. Только у нас не анархия. Как скажу, так и будет!

Похоже, Леша смирился с неизбежностью. Все правильно. Если ты не можешь справиться с каким-то делом, то нужно возглавить его.

Кафе-бар «Оазис» можно было назвать вывеской капиталистического образа жизни. Какой-то кооператор поднял это дело и рубил на нем капусту. Там и виски шотландского можно

было выпить, и сигару выкурить. Девочкой, если надо, тоже угостят, за отдельную, разумеется, плату. Туда на один вечер надо было брать столько денег, сколько моя мама не получала в месяц. Я могла бы отдохнуть там и бесплатно, но для этого мне нужно было бы стать путаной. Нет, спасибо. Я в такие игры не играю.

– Завтра в шестнадцать у «Оазиса», – постановил Самоед. – Арматуру и цепи не брать, а свинчатки можно. Мало ли что!..

Он собирался обложить бар данью. Это понимали все, поэтому вопросов никто не задавал. И возражений я не услышала, и страха в глазах ни у кого не увидела. Да и сама совсем не прочь была погулять на празднике жизни. Действительно, если самарские могли стричь шерсть с кооператоров, то мы чем хуже?

– Жульен, на пять секунд. – Леша даже не глянул на парня, поманил его за собой движением головы.

Жульен – симпатичный малый. Смазливое личико, спортивная фигура. Не амбал, среднего роста, но плечи по сравнению с талией широкие, ноги длинные, сильные. Не очень внушительный у него вид по сравнению с тем же Медяком. Можно сказать, что он какой-то сладковатый, но кулаками машет будь здоров. У всех после стычки с самарскими на лицах синяки, ссадины. Один только он, Жульен, цел и невредим, как будто и не дрался. Одежда на нам чистая, аккуратная, нигде не порванная. Но я-то видела его в самой гуще событий.

Жульен вышел за нами во двор. Самоед что-то шепнул ему, тот кивнул и куда-то ушел. Минут через десять он принес какой-то ключ, и Леша благодарно похлопал его по плечу.

Жульен понимал, зачем нам ключ от пустующей квартиры, но даже в мыслях не усмехнулся, глянув на меня. Он никому ничего не скажет. Правильный пацан. Я могла гордиться тем, что мы с ним в одной команде.

Но больше всего я была довольна тем, что Самоед удостоил меня особым вниманием. Я ничуть не пугалась того факта, что оказалась в этой квартире. Он уложил меня на кровать, стал раздевать, и я ничуть не сопротивлялась. В конце концов, мне давно пора привести себя в соответствие со своим имиджем. Если я должна стать женщиной, то посвятить меня в это звание должен был Самоед. Только он один и заслуживал этой чести.

Еще я хотела наказать Славу за его подлость. Как он только мог застучать нас своей бабке?..

Мы снова дошли с Лешей до критической черты. На этот раз мне казалось, что нас ничто не может остановить. На это была способна только я сама. Так я и сделала.

– Пусти! – Я оттолкнула Самоеда от себя, поднялась с постели и потянулась за одеждой.

– Эй, ты чего?

– Скажи, ты будешь уважать Медяка, если трахнешь его? – из прихожей спросила я.

– Ну ты и сравнила!

– Все правильно я сравнила! И сама я правильная! Извини!

Я оделась и ушла, а Леша даже не попытался меня остановить. Мы не воры, не бандиты, но у нас тоже есть понятия. Я едва не перевелась в разряд опущенных, причем по своей собственной воле.

Я вышла из подъезда и буквально столкнулась с Медяком. Его лицо и в спокойном состоянии имело красновато-медный оттенок, а сейчас оно просто пылало багрянцем. Он сбивался с ног, так куда-то спешил. Уж не меня ли разыскивал?

– А Самоед где? – сбивчиво спросил он, глядя на меня большими глазами.

– Что-то случилось? – поинтересовалась я, пытливо глядя на него.

– Он же с тобой был, да?

Я вздохнула. Слава казался таким правильным, Жульен тоже, но меня сдали и тот, и другой. Никому в этой жизни нельзя доверять, особенно если ты женщина.

– Был. Как друг. А ты что подумал? – Я схватила Медяка за грудки и трянула, но не парня, а всего лишь его куртку.

Здоровый он, как минимум на голову выше меня, в плечах шире чуть ли не в два раза, и веса в нем чуть ли не втрое больше. У меня и удар поставлен, и мышцы рук тренированы, но при всем при этом я не могла сдвинуть эту глыбу с места. Зато он мог раздавить меня как слон черепаху.

Мимо нас проходила какая-то женщина. Она невольно перекрестилась, глянув на меня как на дуру, которая явно переоценила свои возможности. Женщина испугалась за меня, но Медяк и не думал давать ответку. Он стоял и глупо улыбался.

Я здесь, перед ним. Самоед не трахает меня. Именно это его и радовало. Можно подумать, я удержалась от соблазна ради него.

– Запомни, морда, я не шлюха! – заорала я ему в лицо. – Я ни с кем и никогда!.. Ты это запомнил?

– Ни с кем, никогда. – Он кивнул. – Только со мной!

– Только с тобой, да, но в загробной жизни!

Я хотела оттолкнуть Медяка, но сама отскочила от него. Такой он был тяжелый, неподъемный и совершенно непробиваемый. Неужели этот красавец и в самом деле думает, что у него есть шанс насчет меня?

Глава 5

Темная туча над головой, под ней, у самого горизонта – яркое солнце. Мороз, ветер, снежная крупа хлестко лупит в лицо. При этом еще работать надо. Целый фургон с водкой на мне. Причем разгрузить я его должен быстро и без помощников. Варвара Игоревна стоит рядом, присматривает за товаром и поглядывает по сторонам. Водка – товар стратегический, дефицитный, социально взрывоопасный. Как бы толпа не набежала! Грабить не будут, но вопросы возникнут. Поэтому мы и торопимся. Вернее сказать, я выбиваюсь из сил, а Варвара Игоревна наблюдает не столько за мной, сколько за обстановкой. Но и я у нее под подозрением. Как-никак я уголовный элемент. Мало ли какая крамола бродит у меня в мыслях!

Это была та самая продавщица, о которой говорил мне отец. Ядреная баба, полнощекая, румянолицая, пышногрудая, задастая. Ей сорок лет с хвостиком, на эти года она и выглядит, хотя на лице ни единой морщинки. Волосы выбеливает пергидролем, смачно красит губы. Грудь у нее высоко поднята и выставлена на обозрение, как свиной окорок на витрине. Даже сейчас, в холод, пальто у дамочки нараспашку, и бюст гордо мерзнет в широком вырезе декольте. Мне сейчас не до этих красот, больше любоваться ее достоинствами некому, а не запахнет, нет.

Не заладилось у меня с работой. Куда ни сунусь, везде – фиговый лист с оливковым маслом. Отец пытался устроить меня на фабрику, но и там я оказался не нужен со своей судимостью. А Варвара Игоревна взяла сразу. Я же не за воровство сидел, а за то, что морду кому-то набил. Она сказала, что ей такие борзые как раз и нужны.

У нее свои, особые владения в городском универмаге. Целое крыло под винно-водочный отдел отвели, со своим входом. И склад у нее под это дело. Все солидно, с тяжелой железной дверью и охранной сигнализацией. Легче мешок с деньгами из банковского хранилища дернуть, чем ящик с водкой – отсюда.

Последний ящик встал на место. Варвара Игоревна хлопнула меня по плечу, дескать, спасибо, и торопливо заперла склад. Потом она еще железную штангу навесила, закрепила ее тяжелым амбарным замком, торопливо подписала накладные и отпустила машину. Ворота закрывал я сам.

– Устал? – спросила она, глядя, как я рассматриваю мокрую ржавчину на ладонях.

Не надо было перчатки раньше времени снимать, ну да ладно. Руки и помыть можно.

– От такой работы не устают, – заявил я и улыбнулся.

В ящике двадцать бутылок – разве ж это вес? А в мешки по пятьдесят килограммов водки, вина и пива не наливают, и это большой плюс для меня. Товар, правда, расходуется очень быстро, поэтому приходится разгружать машину за машиной, еще и ящики со склада к прилавку таскать, но все-таки это мелочь по сравнению с подневольным трудом в зоне. Там кирпичи охапками приходилось волочь, цемент – мешками, бетон – кубометрами. Вот где каторга, причем по смехотворным расценкам. А здесь я живыми деньгами получать буду, да еще и водку по госцене могу брать.

Правда, и такая работа может надоесть до нервного тика, но пока я всем доволен. Вторая неделя идет.

– Ты же не алкаш, чтобы водкой бредить, – сказала она, внимательно глядя на меня.

– Нет, конечно. Выпить могу, но не особо люблю.

На спиртное меня особо не тянуло, но и отказываться от этого дела я не собирался. Была возможность – выпивал, нет – ну и черт с ним.

Кто-то идет вверх по карьерной лестнице, кто-то катится по наклонной к самому дну, а я оказался в жизненном тупике. Ни туда, ни сюда. Я собирался стать инженером-электротех-

ником, стремился работать на большом заводе, подниматься по служебной лестнице до директорских высот, а куда зашел?

Институт накрылся медным тазом, а карьера грузчика не для меня. Где нет смысла жизни, там всегда водкой намазано, спиться можно. Но я постараюсь удержаться на плаву. Ведь жизнь со временем обязательно наладится. Судимость снимут, а там и в институте восстановиться можно будет или просто хорошую работу найти.

– Баб надо любить, а не водку!

– Это само собой, – кивнул я.

– Пошли! – Варвара Игоревна махнула рукой, увлекая меня за собой.

– Куда? Баб любить?

Она игриво улыбнулась и погрозила мне пальцем.

Они у нее толстые, но с маникюром и унизины золотыми перстнями. Да и одевается она дорого, в фирму. Без левых доходов здесь точно не обошлось. Все правильно, хочешь жить – умей вертеться.

На швейной фабрике тоже люди крутятся. Цех там открыли – брюки джинсовые шьют, куртки, причем большими партиями. Навара особого нет, но жить можно. Отец оборудование в этом цеху налаживал, он и рассказывал, как из Москвы приезжают перекупщики и забирают весь товар по цене чуть выше государственной. Вот они хорошо на этом деле поднимаются, а фабричным одна только радость – зарплату выдают без задержек, целиком и полностью.

Но Варвара Игоревна себя не обижает и живет явно не на зарплату. Неплохо она устроилась. Сама себе начальница, продавец и товаровед в одном лице. Даже кабинет у нее был, пусть маленький, зато свой.

Товар отпускался из окна, очередь к святому животворящему источнику выстраивалась прямо на улице, но покупатели не жаловались. Вот если товара нет, тогда и возмущение, и крики, и ругань. Сейчас люди тоже топтались под магазином, но у Варвары Игоревны переучет. Над подоконником-прилавком имеется соответствующая вывеска. Поэтому претензий к ней нет, зато у нас есть возможность передохнуть, прежде чем взяться за дело. Стоит открыть волшебное окошко, как покупатели толпами набегут. Но ей ни к чему торопиться, если всю водку за пару часов продать можно.

– Отец твой до баб охочий, – сказала она, доставая из шкафчика бутылку коньяка.

«И не только до баб», – продолжил я, но не озвучил эту мысль.

Во-первых, совесть надо иметь, а во-вторых, Варвара Игоревна и сама все знала.

– С кем он сейчас? – с видимой беспечностью спросила она, но голосок дрогнул.

– Без понятия.

Отец мой, оказывается, не только по собутыльникам ходил, но и по бабам. Мог заночевать у дружка или же пропасть у какой-нибудь вдовушки. Мужик он видный, хотя и потрепанный жизнью.

– Его ведь зашить можно, – сказала она.

– Не хочет, – пояснил я и покачал головой.

Варвара Игоревна – баба знатная, но с моим отцом у нее не заладилось. Что-то у них было, но сейчас она для него пройденный этап. Она хочет, а он ею всего лишь пользуется. Водку по благу берет, меня вот на работу к ней устроил. Ну, может, иногда что-то случается, но свободы он себя лишать не собирается. Во всяком случае, я его так понимаю.

– Надо, чтобы захотел. Зачем ему это все? Совсем сопьется, с работы попрут, чем жить будет? Бутылки собирать? Ты представляешь себе, чтобы твой отец этим занимался?

Я пожал плечами. Вообще-то, этот жизненный этап у него не за горами. И с работы пнуть могут, и бабушка не вечная. Как бы он ее квартиру не пропил да на улице не оказался. Не факт, что я к этому времени здесь буду.

– Надо что-то делать.

– Баба ему хорошая нужна, – заявил я, скрыв усмешку.

– Так а я о чем! – Варвара Игоревна инстинктивно подправила грудь, сбалансировав полушария по высоте.

Кожа у нее там нежная, чистая, наверняка приятная на ощупь, только не по мне это дело. Да и она не намекала. Ей мой отец нужен, а не я, и меня такой расклад вполне устраивал.

Хорошая она баба, упакованная, дом свой. Если на отца надавить, то, может, упираться он не станет. Если мы с ней вдвоем на него насядем, то и подшить сможем. У мамы своя жизнь, у нее все пучком, а отец чем хуже?

– Вот если бы вы захотели взять его на поруки!.. – сказал я, выразительно глянув на Варвару Игоревну.

– Я подумаю. – Она чуть пожеманилась и наконец-то наполнила рюмки.

«Большой приз» – коньяк неплохой, отличное средство разогреть кровь с мороза.

Мы выпили по первой, Варвара Игоревна предложила по второй, но я покачал головой и сказал:

– Главное, чтобы сосуды расширились. А вторая рюмка их сужает.

– Зато третья снова расширяет. – Женщина усмехнулась.

– А там и четвертая! А как же работа?

– Золотые слова, – закручивая пробку, сказала она.

Работа у меня не ахти, но свои прелести в ней есть. Я ведь и сам мог навариваться на водке, прихватить по госцене ящичек-другой. С каждой бутылки – пятерка навара, это как минимум. Сейчас меня Варвара Игоревна особо не баловала, но лиха беда начало. Сработаемся, притремся, одна рука другую мыть будет.

Я ведь ей не только как грузчик нужен. Не зря же она у отца спрашивала про мое боксерское прошлое. Времена нынче беспокойные. Алкаши сдуру наехать могут, да и братва выискивает барыг и ставит их на бабки.

Уж я-то знаю, что такое рэкет. Этой весной к нам в зону заехал пацан из Долгопрудного, так он рассказал, как они Рижский рынок дербанили. И про люберецких я слышал, и про солнцевских, и про то, как чеченцы в Москве беспредельничают. Только вот против серьезной братвы я не потяну, пусть Варвара Игоревна и не надеется. Если она меня в долю возьмет, тогда еще можно будет подумать. Но зачем ей всерьез делиться со мной, если дешевле будет откупиться?..

Она уже собиралась идти к прилавку, когда дверь открылась, и в кабинет зашла длинноволосая блондинка в кожаной куртке и черных лосинах под короткой джинсовой юбочкой. Холодина на улице, а одежда на рыбьем меху, да и сапожки осенние, наверняка без утеплителя. Под юбку задувает! Не удивительно, что у девчонки зуб на зуб не попадал.

– Лизка, твою мать! – Варвара Игоревна всплеснула руками. – Где пальто?

– И кто тут мою мать?.. – Блондинка хмуро глянула на меня.

– Что ты несешь?.. – Женщина едва сдержалась, чтобы не назвать дочь дурой, во всяком случае, мне так показалось. – Почему раздетая? Пальто где?

– Моль трахнула! – глядя на меня, без всякого стеснения сказала Лиза.

Чумовая она девчонка и очень даже симпатичная. Глаза у нее красивые, волосы роскошные. Нос, правда, немного крупный, а рот, напротив, маленький. Но блеск ярко-голубых глаз затенял эти незначительные изъяны. Да и фигурка у девчонки потрясная – полновесная грудь, узкие бедра, длинные стройные ножки. Куртка у нее не приталенная, с дутым животиком из-за резинки снизу, но все же под ней угадывался тонкий стан. Кожа нежная, матовая. Язык острый, колкий.

Девушка смотрела на меня с пренебрежением. Неважный у меня вид – рабочая телогрейка, мешковатые брюки, ботинки с тупыми сбитыми носками. Она угадала во мне грузчика,

отсюда и неприязнь. Но в то же время в ее глазах затеплился вдруг женский интерес. Может, и дрянная на мне обертка, но начинка вроде бы ничего.

– Что у вас тут?

Она подвинула стул, под села к столу, взяла у матери рюмку, сама наполнила ее коньяком и выпила. Варвара Игоревна ничего не сказала, но посмотрела на меня с призывом понять Лизу и простить. Можно подумать, я не ничего не понимал. Замерзла девчонка, согреться ей надо.

Я взглядом показал на электрический чайник. Варвара Игоревна кивнула и потянулась к нему. Горячий чай будет сейчас как нельзя кстати, особенно под коньячок.

– Уф! Хорошо! – Выдохнув коньячную горечь, девушка полезла в сумочку, достала оттуда пачку тоненьких дамских сигарет.

– Лиза! – Варвара Игоревна аж взвизгнула от возмущения.

– Что Лиза? – буркнула блондинка. – Я уже восемнадцать лет Лиза. Я, между прочим, совершеннолетняя! – Протест она выразила, но сигареты все-таки спрятала.

– Я пойду. – Я не спрашивал, а констатировал факт.

Не место мне здесь, пусть они тут сами выясняют отношения. Но только я поднялся с места, как снова распахнулась дверь.

– Что нужно? – зло спросила Варвара Игоревна.

В рослом широкоплечем парне она увидела незваного покупателя, поэтому встретила его неласково.

– Я не понял, ты на кого наезжаешь? – Дитина взвыл от возмущения, глянул на меня и вдруг потух. – Ты? – Он скривился как от зубной боли.

Рыжий Медяк пожаловал к Варваре Игоревне, а в коридорчике я заметил еще одного бугая из печально знакомой компании.

Я заметил, как побледнела Лиза, глядя на Медяка. Как будто упыря увидела, всего в струпьях, истекающего гноем. Но рыжий на нее даже не смотрел.

– Я. Ты что-то хотел?

– Да, у меня дела. А ты чего здесь?..

– Работаю.

Медяк на мгновение задумался и предложил:

– Если так, то пошли. Поговорим. – Он смотрел на меня с неприязнью, но при этом в его глазах угадывалось уважение к моей скромной персоне.

Я пожал плечами и вышел из кабинета.

– Эй, что здесь такое происходит? – Варвара Игоревна вскочила со своего места, бросилась за нами, но дочь схватила ее за руку и остановила.

Закрывая за нами дверь, Лиза бросила на меня заинтригованный взгляд. Казалось, она до жути боялась Медяка, а во мне увидела спасение от него. Девушка будет мне очень благодарна, если я избавлю ее от этого монстра. Именно это и обещал ее взгляд. Только мне какое до нее дело? Да, красотка она хоть куда, но за живое меня не тронула. И вообще, кто он такой, этот Медяк, чтобы его бояться?

Медяк увлекал меня за собой. Его дружок должен был остаться за моей спиной, а я не хотел этого допустить. Вдруг меня собираются вывести в расход в наказание за мою не столь уж давнюю победу над Медяком?

– Давай-давай! – Я взял парня за руку, потянул его на Медяка и заставил идти за ним вслед.

Сам я пошел замыкающим в колонне, которая вышла на холодный двор. Медяк не должен был здесь находиться, но ему хоть бы хны. Он чувствовал себя хозяином положения. Кожаная куртка, модный спортивный костюм, боты с мощными носками. Штаны холодные, голова непокрытая, но это, казалось, ничуть его не смущало.

– Работаешь, значит, здесь? – достав из кармана пачку сигарет, в раздумье проговорил Медяк.

– Работаю.

– Нехилое место. Бухло в полный рост, да?

– Не жалуюсь.

– Начальница твоя налево бухло задвигает, да?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Я знаю.

Медяк закурил, вернул сигареты и зажигалку на место. Мне угоститься не предложил. Дурной знак.

– Сколько, где и кому – все знаю. Не хочу сопли по щекам размазывать. – Медяк скривился. – Ты ей сам скажи, пусть десятку косарей готовит.

– Скажу. – Я пожал плечами.

Я уже месяц не видел Марго. Она куда-то исчезла вместе со всей своей кодлой. Видно, тесно стало братве в сыром подвале, на большую дорогу понесло. Рэкетом ребятки решили заняться. Ну-ну...

– А тебе что, все равно? – Медяк удивленно глянул на меня.

– Я грузчиком здесь работаю, у меня в этом деле интереса нет. За сколько купил, за столько и продал. Я скажу, а Варвара Игоревна сама пусть думает. Может, заплатит или к ментам пойдет, я не знаю. Не мое это дело.

– Да плевать на ментов! – как-то не очень уверенно, хотя и пафосно сказал Медяк.

– Ага, знал я одного такого. Плевал он на ментов, а потом плевалка взяла да сломалась. Четыре года общего режима получил. За вымогательство. Заехал в зону, весь такой из себя крутой. Чуть не опустили бедолагу.

– Где чуть не опустили?

– В зоне.

– А ты откуда знаешь?

– Так я сам оттуда.

– Срок мотал? – удивленно протянул Медяк.

– Три года, от звонка до звонка.

– Да?

– Да.

– Круто!.. Только пугать меня не надо! – вскинулся вдруг рыжий.

– Кто тебя пугает? – Я недоуменно повел бровью.

– Ну, про три года...

– Я тебя не пугаю, просто говорю. Да и не должно тебя это пугать. Если ты на рэкет упал, то тюрьма – твой дом родной. Там не страшно, и жизнь на зоне есть. Так что если влетишь, бояться не надо. Будь готов, как говорится.

– Ты это, на клапан не дави, не надо, – занервничал Медяк. – Я сам знаю, чего бояться. А если ментам нас вложишь, я тебя лично на куски...

– Ты?! Меня?! – Я резко повернулся к нему, и он шархнул как конь от волчьей шкуры. – И почему это я ментам должен вкладывать?

– Так ты же Самоеда с Марго вложил. – Рыжий набычился и угрюмо глянул на меня.

– Кому вложил? – Я ошалел от возмущения.

– Так ведь бабке своей. Она нас из подвала погнала.

– Кто тебе такое фуфло прогнал?

Внутри у меня все бурлило и клокотало, приличные слова выпарились из головы.

– Было такое! А разве нет?

– Это предьява, пацан. За них конкретно спрашивают. Ты готов ответить?

Медяк не смог выдержать мой бешеный взгляд, попятился и проямлил:

– Слышал я. Марго сказала.

– За Марго спрятаться хочешь? – наседал я.

– Слышь, ты не залупайся!

– А то что? – зло спросил я, скинув телогрейку.

Я ведь и Медяка мог отмахать, и его амбала-друга заодно. Не тот сейчас случай, чтобы я кого-то боялся.

– Марго реально так говорила!

Медяк разбудил во мне зверя, а связываться со мной боялся. Кишка у него тонка против меня. Рэкетир хренов!

– У баб язык без костей и ум короткий. А ты думай, что говоришь, – успокаиваясь, сказал я. – Думаешь, ряху наел, весь из себя крутой? Нет, есть и покруче. Намного!.. Ты знаешь, с кем Сахнина работает?

– С кем? – Медяк оторопело посмотрел на меня.

– А чего тогда лезешь, если не знаешь? Может, ей серьезная братва водку поставляет? Ты на нее наедешь, а тебе законники предъявят. Там разговор короткий, на перо и в землю. Они дела делать будут, а тебя черви в земле жрать.

– Да с братвой мы разберемся, – как-то жалко пробормотал Медяк.

– Ну и флаг тебе в руки!.. Значит, десять косарей? Хорошо, я скажу.

Я повернулся к нему спиной, но мне на плечо легла его рука:

– Постой!

Я остановился, но не обернулся.

– Ты это, узнай, что там да как, – растерянно сказал он.

– А зачем это мне?

– Если там братва, ты нам скажи, а мы посмотрим.

Я кивнул. Вряд ли за Варварой Игоревной стоят волки, но пусть она думает, как отбиться от баранов.

Я вернулся в кабинет и попал в эпицентр женского внимания. С одной стороны на меня напряженно смотрела Варвара Игоревна, с другой – жгла взглядом ее дочь.

– Ну и что? – спросила моя работодательница.

– Рэкет заказывали? – спросил я.

Варвара Игоревна пугливо мотнула головой.

– Значит, он пришел без приглашения. Десять тысяч с вас требуют.

– Они что там, совсем охренели?! – возмущенно взвыла Сахнина.

Я пожал плечами.

– А ты что сказал? – спросила Лиза.

– А что я мог сказать? – Я удивленно глянул на нее.

– Так ты же знаешь этого типа?

– А ты?

– Ну, видела.

– Знаешь, кто он такой?

– Фабричные это. Они сейчас на волне. Ты этого типа знаешь?

– Да так, пересеклись.

– Он тебя испугался.

– Он и сейчас меня боится. Только это ничего не меняет, – сказал я, выразительно глянув на Варвару Игоревну. – Если у вас есть крыша, то Медяк отвалит, если нет, тогда придется платить.

– Какая у меня крыша? – Женщина с пронзительной тоской посмотрела на меня.

– Откуда я знаю, где вы товар берете.

– С завода идет!

– Может, у вас там есть какие-то связи? Если братва это дело держит, то вопросов к вам не будет.

– Нет там братвы. Обычные люди все решают.

– А здесь вы решаете?

– Ну да.

– И к ментам лучше не ходить?

Женщина ничего не сказала на это.

Я и сам понимал, что через магазин прокручивается левый товар, а это незаконный доход со всем, отсюда вытекающим.

– Значит, надо платить.

Лиза цокнула языком и разочарованно глянула на меня. Неужели она думала, что я буду решать их семейные проблемы ради ее красивых глаз?

– Но десять тысяч – это слишком, – со страдальческой гримасой на лице проговорила Варвара Игоревна.

– Это в месяц или как? – спросила Лиза.

– Не знаю, не уточнял. Тут, главное, согласны вы платить или нет. Если да, то и скостить можно.

– Слушай, а как этот Медяк узнал про маму? – предъявляющим тоном спросила Лиза.

– Не понял. – Я нахмурил брови.

– До фабричных самарские были. Они ничего не знали, а эти проведали. Ты сам где живешь?

– У самой фабрики. Только я не при делах.

Медяка на Сахнину действительно мог навести я. Увы, на мне все сходилось. Я знал Медяка, до моего появления на Варвару Игоревну никто не наезжал. Жаль терять такую работу, но и под подозрением я оставаться не мог.

Я молча поднялся, взялся за дверную ручку.

– Ты куда? – Варвара Игоревна вытаращилась на меня.

– Хорошая вы женщина, жаль, что не сработались.

– Я спрашиваю, ты куда?

Я качнул головой. Зачем говорить, когда и она и сама все прекрасно поняла?

– Стой! – Женщина соскочила с места, схватила меня за руку, чуть ли не силой вернула на место, взглядом показала на Лизу и заявила: – Ты ее больше слушай!

– Нет, она правильно вопрос поставила.

– Но ты же не наводил Медяка?

– Нет.

– Тогда зачем уходишь?

– А кто мне поверит?

– Я поверю!.. Тебя этот Медяк боится. Может, мы на этом как-то сыграем, а?

– За ним какая-никакая, а система. Я же сам по себе.

– Но ведь можно, наверное, что-то придумать? – с надеждой спросила Сахнина.

Похоже, она не считала, что какие-то доморощенные рэкетеры могут доставить ей серьезные неприятности. Я, честно говоря, тоже в это не верил. Самоед, Медяк и прочие – не та система, которую стоило бояться. Хотя неприятности они организовать могли.

– Могу передать привет одному человеку, – заявил я и пожал плечами. – Он мог бы подыграть. Только я не знаю, чем это может обернуться.

Я хорошо знал Севу Мятного из Долгопрудного и мог подъехать к его друзьям, которые остались на воле, передать им привет и попросить об одолжении. Сахнина переведет на них стрелки. Самоед встретится с ними и получит отлуп. Дескать, Варвара Игоревна у них под

крышей и трогать ее нельзя. За такую разводку придется хорошо заплатить, но где гарантия, что долгопрудненские реально не возьмут Сахнину под себя? Плевать им на то, что я топтал зону с их корешем.

Нет, этот вариант не годился. Может, самому к Самоеду пойти? Так, мол, и так, у меня дело, а ты его ломаешь. Но кто я такой, чтобы идти мне навстречу?

На ножи с доморощенной братвой становиться? А зачем это нужно? Какая мне от этого выгода?

А если завести разговор о выгоде, то Сахнина согласится со своей дочерью, и я стану для нее засланным казачком. Медяк наезжает на нее, я развожу проблему и получаю свой процент от прибыли. Разумеется, для братвы.

Замкнутый круг какой-то. Мне надо было как-то выйти из него.

Может, все-таки лучше поговорить с Медяком? Пусть он хотя бы собьет цену до разумных пределов. Если в рэжете они есть.

– Я попробую что-нибудь придумать, – поднимаясь со своего места, сказал я. – Но ничего не обещаю.

Я вышел из кабинета с тяжелой головой. Не нужны мне проблемы с братвой. Я не хочу с кем-то за кого-то драться, а потом отвечать за это на суде. Я сыт тюрьмой по горло.

Я уходил и думал, что к Сахниной, скорее всего, больше не вернусь.

Глава 6

Отец вернулся поздно. Я слышал, что он не зашел, а вполз в дом. Опять нажрался до состояния нестояния. Мне снова придется укладывать его спать.

Может, действительно пора взяться за воспитание папаши? Ухватить родимого за шкуру, отвести к наркологу – пусть ему зашьют под кожу ампулу, может, пить перестанет. Неплохо было бы его женить на Сахниной. Тогда у меня будет повод наехать на Самоеда. Если Варвара Игоревна станет частью моей семьи, то я за нее глотку перегрызу. Во всяком случае, смогу заставить Самоеда в это поверить.

Я вышел в прихожую, включил свет и увидел человека, сидящего на полу. Это был мой отец, но я с трудом его узнал. Вместо глаз узкие щелочки в кровотокающих опухлостях, нос не просто сломан, а свернут набок, губы как плюшки, на подбородке глубокая рана.

Он сидел, обхватив руками голову, и жалобно стонал, на разбитых губах пузырилась кровавая пена. Бабушка схватилась за сердце, а я потянулся к телефонной трубке. Надо было срочно вызывать «Скорую помощь».

Отца могли отделать в пьяной драке, но я так не думал. Его били профессионально, точно, методично, хотели лишить жизни или, в крайнем случае, преподать самый суровый урок. Возможно, ему ногами отбили печень, почки, селезенку. Скорее всего, в домашних условиях его нельзя было спасти, поэтому я набрал ноль три.

– Кто тебя так? – спросил я, велев бабушке собирать вещи для больницы.

В ответ отец лишь что-то нечленораздельно промычал.

– За что?

– Жинши! – Сначала он махнул рукой в сторону фабрики, а затем указал на Москву.

Как это ни странно, я его понял.

Жинши – это джинсы, их забирали с фабрики оптом и увозили в Москву продавать в розницу. Фактически это был грабеж, который возмущал отца. Допустим, он выразил свое негодование вслух, да не там, где надо. Может, его за это и наказали – подкараулили возле дома и загрузили по полной программе.

Что ж, если так, то я это дело не оставлю. Плевать я хотел на Сахнину, а за отца буду рвать и грызть кого угодно.

Панфиловск называется городом, но по сути это деревня, и все здесь на виду. Я поставил цель найти начальника джинсового цеха, и вот он у меня в руках. Мужик вышел из калитки своего дома, а я двинулся за ним.

Одет он хорошо – кашемировое пальто с белым шарфом, норковая шапка, но выглядит при этом как последний забулдыга. И вид у него похмельный.

– Мужик, на троих сообразим? – спросил я.

На улице холодно, ветрено. Сегодня воскресенье, но кругом пустынно. Люди в такую погоду предпочитают дома сидеть, если, конечно, за бутылкой бежать не надо.

Хасанову бы остановиться, а он лишь укоротил шаг, разворачиваясь ко мне лицом. Пузо у него большое, тяжелое, и это сыграло с ним злую шутку. Мужика повело в сторону, он попытался сохранить равновесие, а земля под ногами мерзлая, скользкая. Он бухнулся на задницу, отбил себе копчик, дико взвыл от боли и с трудом поднялся. Пузан злобно глянул на меня, сжал кулаки, но ударить не решился.

– Больно? – с усмешкой спросил я. – И отцу моему больно. Он сейчас в больнице, а ты, Глеб Александрович, водку жрешь. Где справедливость? – Я тоже сжимал кулаки и запросто мог ударить.

Хасанов почувствовал мое настроение, слегка сдал назад и осведомился:

- Ты кто такой?
- Кречетов моя фамилия.
- Кречетов?
- Отец, говорю, в больнице.
- Пить надо меньше.
- А ты с ним не закладывал, нет?
- Я вообще не пью!

Смешно это или нет, но Хасанов заявлял об этом на полном серьезе.

- Да ну!
- Десять лет уже в завязке.
- Флаг тебе в руки и вымпел на шею. Переходящий. Если ты заслужил, и если на шею!
- Что тебе нужно, Кречетов? – оглядываясь по сторонам, спросил Хасанов.
- Да вот из тюрьмы вышел, а отца какая-то падла заказала. Зачем ты его под танк бросил?
- Что ты такое говоришь? – Хасанов непонимающе посмотрел на меня.
- Да ты не отбрыкивайся, бесполезно это. Я все знаю. Джинсы ты шьешь, да? Деловарам их по дешевке отгружаешь. Народ за копейки горбатится, а деловары их труд за рубли продают, правильно? И сколько ты в карман себе кладешь, я знаю. Мне все, Глеб Александрович, известно. Отца твоя поганая схема не устраивала, вот ты его и заказал.

Я достал из кармана выкидной нож, нажал на кнопку. Надо было видеть, как шархнул от меня Хасанов, когда клинок тускло блеснул в рассеянном свете.

Другой рукой я вытащил карандаш, чиркнул по нему лезвием и заявил:

- Чего ты шагаешься, Хасанов? Отца чуть не убили, и тебя не больно зарежут.
- Это не я! – оглядываясь по сторонам, простонал мужик.
- Что не ты?
- Я не заказывал Диму. Они сами!..
- Кто они?
- Ну, покупатели.
- Кто конкретно?
- Они из Москвы.
- Да хоть с Марса! Кто такие, спрашиваю.
- У них в Москве все схвачено, сбыт и прочее.
- Я спрашиваю, кто они такие!
- Главный у них там Кислов...
- Бандит?
- Нет, но связи имеет.
- На этих связях его и повесим. Вместе с тобой.
- Я здесь ни при чем! Они сами...
- Кислов лично отца бил?
- Нет, конечно. Нанял кого-то.

Я выяснил, кто такой Кислов, как его найти, узнал про компаньонов данного фрукта. Но разговор на этом не закончился.

- Значит, с бандитами эта шушера водится? – затачивая карандаш, спросил я.
- Я так понял.
- Что за люди?
- Я точно не знаю. Да, может, и нет ничего?..
- А вдруг есть? Если братва спросит с тебя?
- За что?

– За то, что ты Кислова сдал. А разве ты этого не сделал? Только что! С тебя за это спросят. Если, конечно, ты расскажешь про нашу с тобой встречу. Но ты же не дурак? – хищно сощурился, спросил я.

– Нет! – Хасанов приложил руки к груди и мотнул головой.

– Тогда будешь жить.

Я оставил Хасанова в покое и отправился в больницу к отцу.

Он лежал в общей палате с повязкой на голове. Нос ему вправили, а зубы не вставили, поэтому он сильно шепелявил. Я спросил, что с ним произошло, но вразумительного ответа не получил. Шел, нарвался на каких-то хулиганов, они попросили закурить...

Про Кислова он ничего не сказал, а я не стал спрашивать. Ведь ясно же, что отец не хотел впутывать меня в свою историю, но я уже и так влез в нее двумя ногами и не собирался отступать.

Домой я возвращался в раздумьях. Как найти Кислова и вызвать его на разговор? Может, и предъявлять ему ничего не надо, а сразу отоварить по всей накладной?.. Я думал, как быть, но не забывал посматривать по сторонам. Если Хасанов рассказал Кислову о нашей с ним встрече, то меня уже запросто могли подкарауливать где-нибудь по дороге.

В проходе между домом и фабричным забором я увидел Медяка. Он подпирал задницей багажник «четыреста двенадцатого» «Москвича». Перед ним стоял, переминаясь с ноги на ноги, тот самый бык, с которым он приходил к Сахниной. Может, парни случайно здесь оказались, а если они поджидали меня? Может, по старым вопросам у них разговор? Вдруг их отправил по мою душу Кислов?..

Увидев меня, Медяк оторвал задницу от машины, достал из кармана сигарету, закурил. Верный признак того, что волнуется парень.

Он подошел ко мне, затягиваясь на ходу. Вид у него был такой, как будто он собирался выпустить дым мне в лицо, хотя Медяк дунул в сторону.

– Узнал, с кем Сахнина дела делает? – спросил он.

– А тебе зачем? Если она работает на вашей территории, то какая разница, с кем она дела делает? Если воры ей товар поставляют, то в конкретном раскладе они барыги. А если барыги, то должны подвинуться. Если у тебя хватит сил их подвинуть.

Медяк свел к переносице брови, пытаясь осилить информационный поток, насыщенный всяческими условностями. Как это воры могут быть барыгами? Если и так, то что с того?

– Не понял, – с усмешкой заявил он.

– Есть понятия и законы, по которым живет криминал. Если ты предъявляешь по понятиям, то никакого косяка за тобой нет. Только хватит ли у тебя силы, чтобы удержать за собой правду?

– Хочешь сказать, что мы ворами можем предъявить? – Медяк как-то не очень просветленно глянул на меня.

– Если они на вашей территории барыжничают, деньги на водке делают.

– А за Сахниной воры стоят?

– А вдруг? У воров организация. Зашлют они гладиатора по твою душу, он тебе кровь пустит, и где тогда будет твоя сила?

– А за ней воры стоят?

– Может, воры или новые, я не знаю.

– Новые, это кто?

– Новые, это вы, спортсмены-рэкетиры. Думаете, что за вами сила. Это какая же? Менты закрыть могут. Стволы у вас есть? Чеченцы стрелку забьют, там вас и постреляют на хрен.

– Какие чеченцы?

– Бандиты натуральные. У них стволы, гранаты, а у вас что?

Медяк промычал в ответ что-то неразборчивое.

– Кулаки, кастеты?.. Ну, если реального врага нет, то и этого хватит. Барыгу зашугать не трудно, да? А вот если у него вдруг крыша обьявится, тогда надо выставлять свою силу. Чтобы она была, и чтобы все по понятиям. Тогда претензий не будет. На могиле скажут, мол, погиб в бою, был правильный пацан.

– Кому скажут? – Медяк потерянно посмотрел на меня.

– Братва так скажет, если тебя вдруг на стрелке завалят или вон его. – Я кивком показал на его спутника, который с важным видом тупо стоял в сторонке. – Это если там с чеченцами. Люберецкие стрелять не будут, просто ливер отобьют. Воры на стрелку вообще не поедут. Они на гоп-стоп возьмут, из-за угла, пером в бок.

– Ты меня пугаешь?

– Нет, просто объясняю. А что там с Сахниной, я не знаю. Я за нее не подписываюсь.

– Почему?

– Интереса нет. Я ей насчет денег передал, пусть думает.

– А с кем она работает?

– Сам пробивай.

– Мутный ты какой-то.

– Нет, пацан, это ты мутный, а у меня все чисто по понятиям. Я в чужие дела не лезу и в бюро добрых услуг не играю, – пристально глядя Медяку в глаза, уверенным тоном с вызовом отчеканил я.

– Если так, то все правильно, – кивнул Медяк. – Может, скажешь тогда, с кем у нее там дела?

– Не знаю. А если бы знал, не сказал. В этих рамках мое дело сторона. Что еще не ясно?

– Ты мог бы нам помочь.

– А какой мне от этого интерес?

– Мы тебе отстегнем, – совсем неуверенно сказал рыжий.

– Тридцать сребреников. Чтобы я свою начальницу сдал? Ты за кого меня держишь?

– А если с нами будешь?

– В каком смысле с вами?

– Бригада у нас. Мы пятак на Спортивной взяли. – Медяк с гордостью огладил пальцами свой спортивный костюм. – «Оазис» наш. У нас тут все схвачено.

– И ментам заплачено?

– Решим вопрос. – Рыжий пожал плечами.

– Как бы с вами вопрос не решился.

– Очко заиграло? – Медяк презрительно ощерился.

– Нет, игра не стоит свеч. Что у вас тут, в Панфиловске? А ничего! Барахолка, и все.

Был я на местной толкучке. Торговля только по выходным, да и та – жалкое зрелище. С десяток лотков под открытым небом, товара кот наплакал. Все частники в Москве крутятся. Туда народ едет – там и выбор больше, и цены не такие злые, как здесь.

– Нет, не все.

– Мелочовка здесь у вас. На рубль возьмешь, на червонец посадят. А ведь закроют!.. От ментов откупаться надо, а у вас и денег на это не хватит. Что ты с этой барахолки поимел? Куртку? А завтра за джинсами придешь, там тебя и повяжут. Или не так?

– Гонишь ты все! – Медяк напыжился.

– Так много ли вы бабла наколотили?

– Сколько наколотили, все наше.

– Так я и не претендую. Да и нет у вас ничего. С Панфиловска много не возьмешь. Особенно если не головой думать, а кулаками.

Я уже давно мог бы уйти, но мне нужен был этот парень.

– Что ты предлагаешь? – Медяк заинтригованно посмотрел на меня.

- Я?.. Предлагают тем, кто готов слушать. А воздух только бакланы сотрясают.
- Я слушаю.
- У тебя мать где работает?
- На швейке, а что?
- Если так, то тебе должно быть интересно.

Я мог бы и сам разобраться с Кисловым, подкараулить его где-нибудь на темной стороне улицы, избить до полусмерти, а дальше что? Кислов начнет мстить. «Мстя» его может быть жестокой, если, конечно, за мной не будет никакой реальной силы. Ею могут стать Медяк и Самоед со своей бандой, тем более что пацаны они, судя по всему, лихие.

Возможно, Кислов организовал швейный цех под себя, может быть, просто наложил на него лапу. Так или иначе, он делал серьезные деньги на джинсе. Мы могли отнять у него этот бизнес. Зачем дербанить барахольщиков, рискуя своей свободой, если можно будет просто продавать им джинсы для дальнейшего сбыта?

Торгаш должен навариваться на рознице, поэтому ему выгодно будет брать те же джинсы за пятьдесят рублей, а продавать их за сто. При таком раскладе полтинник он кладет себе в карман. Но так и мы можем брать на фабрике товар по двадцать рублей и отдавать барахольщикам за пятьдесят. При больших оптовых объемах это солидная прибыль.

Но где нам взять покупателей? И согласятся ли они платить по полтиннику? На рынке наверняка есть и другие предложения. К тому же многие барахольщики торгуют продукцией собственного производства.

Вот тут-то и нужна будет тупая физическая сила, порождающая страх. Мы ведь можем работать с клиентами по принципу «купи кирпич». Не хочешь, получи его на голову! Товар у нас будут покупать не по пятьдесят рублей, а по восемьдесят или даже девяносто. Деньги вперед.

С такой сделки барыга наварится по минимуму, но нам-то какое до этого дело? Прибыль у него есть? Да. Значит, никакого вымогательства с нашей стороны нет. Выходит, что и закрывать нас не за что.

С законом проблемы отпадут, но могут возникнуть рамы с братвой, которая опекает торгашей. Но так ведь не у всякого барыги есть крыша, это раз. А во-вторых, если мы будем представлять собой реальную силу, то кто захочет связываться с нами из-за какого-то лоха? Ну, возникли непонятки, съехались на стрелочку, посидели рядком, поговорили ладком. Зачем из-за какого-то терпилы бойню между собой устраивать?

Именно такой вариант я и предложил Медяку. Слушал он меня с открытым ртом, согласно кивал, хотя, казалось, мало что понимал.

– У нас не будет в Москве своей территории, но при этом мы поимеем ее всю. А это очень большие деньги! – подвел черту я.

- Сколько? – алчно спросил Медяк.

Я имел очень смутные представления об объемах швейного производства, не знал, какую клиентуру мы сможем окучить, но все-таки замахнулся на цифру, от которой у самого дух захватило:

- Миллион, как минимум!

Действительно, если снимать за каждые джинсы по пятьдесят рублей, то на миллион мы должны будем продать их двадцать тысяч. Неужели за год швейный цех не сможет поднять такой объем? Разве многомиллионная Москва не переварит такую партию? А может, на миллион уйдет всего полгода или даже пара месяцев?

- И с ментами без проблем? – Медяк зачарованно смотрел на меня.

Все-таки проблема с ментами волновала его неслабо, а тут вдруг такая возможность рубить бабло, не рискуя своей свободой. Да и с братвой можно решать вопросы бескровно.

- А это как фишка ляжет. Если ее на ментов не бросать, то и упадет она нормально.

– Самоеду такой вариант понравится, – заявил Медяк.

– А если нет? – на всякий случай спросил я.

– В принципе можно обойтись и без него. – Рыжий парень сощурился в напряженном раздумье.

А мне в принципе было все равно, кто рулил их бандой. Без разницы, с кем работать, с Медяком или с Самоедом, лишь бы люди были, которым я мог ставить серьезные и опасные задачи. Схема проста: я организую работу с товаром, эта доморощенная банда обеспечивает его продвижение и получает щедрое вознаграждение.

На эти деньги пацаны одеваются, обеспечивают себя транспортом и оружием. Чем круче они упакуются, тем серьезней к ним будут относиться и клиенты, и их криминальные покровители.

Разумеется, одних понтов мало, нужна и реальная сила. Если Самоед с Медяком не смогут поднять свою банду на серьезный уровень, то придется их заменить. Надо будет, я сам подберу подходящих людей. Для этого мне нужен будет авторитет в банде, но я уже сделал шаги в этом направлении. Не зря же Медяк смотрит мне в рот. Он уважает меня, готов работать со мной даже в обход своего Самоеда.

Глава 7

Легкая кожаная куртка хороша осенью, а зимой нужна дубленка. Это Самоед может ходить в мороз без шапки, в куртке нараспашку, а меня трясет от холода. Мне требуется хотя бы мое старое пальто с норковым воротником. Вернее сказать, он там пыжиковый, но с норками, которые проделала моль.

Дубленка стоит дорого. Барыге, который продает ее на барахолке, лучше отстегнуть наглым ребятам рублик, чем отдать товар, но Гена Колодяжный решил сделать мне подарок и уже занялся этим делом. Колода наехал на торговца еще вчера. Сегодня он должен забрать дубленку. Я с удовольствием приму этот презент. Пусть Самоед ревнует! Он стоит рядом со мной и ожесточенно жует жвачку.

Ситуация, надо признать, нездоровая. Вроде бы я его девушка, принадлежу ему, но при этом он никак не затащит меня в постель. Пытается, но не может. Ведь я член его банды, а это слово – мужского рода. Самоед же не трахает Медяка или Гену, которые такие же члены, как и я.

Меня такая ситуация вполне устраивала. Леша – мой кумир. Мне нравилось принадлежать ему, а вот в койку, хоть убей, не тянуло. Вроде бы и благородный он парень, этот Леша, но секс – грязное дело. И с ним, и вообще!..

Самоед хотел меня целиком, и с этим у него не ладилось. Он мог оторваться на стороне. Девчонки у него для этого были. Но Леша не поступал так еще и потому, что за нашими отношениями зорко следил Медяк. К нему вдруг присоединился Гена. Я нравилась и тому, и другому, и каждый хотел мною обладать. Уйди Самоед на сторону, любой из них мог бы предъявить на меня права. Во всяком случае, Леша всерьез так думал.

Такая вот ситуация – мне хорошо, а он в западне. И спать со мной не получается, и бросить нельзя. А вдруг я действительно стану личной подругой Медяка? Это ли не удар по авторитету Самоеда?

Я могла переметнуться и к Гене. Во всяком случае, он на это надеялся. Ему в принципе все равно, захочу я спать с ним или нет. Я для него своего рода переходящее знамя. Кто со мной, тот и во главе банды. Такое положение вещей никем не утверждалось, зато Гена, как мне казалось, рвался к власти. Я для него была ее символом.

Колода изо всех сил старался завоевать мое расположение, поэтому сейчас занимался делом. Вот он подходит к торговцу, что-то ему говорит. Тот со скорбным видом достает из-под прилавка пакет с дубленкой и протягивает ему.

А Самоед нервно жует в сторонке. Ему завидно и обидно. Он вроде бы и возглавляет бандитскую анархию, но как-то не очень у него лежит к этому душа. Леша не может отобрать у торговца его товар. Разве что чужими руками. Зато Медяк и Колода лихо скачут на бандитских конях и шашками махать не боятся.

Они умеют нагонять страх на торгашей-кооператоров, потому я и получу сейчас заветную дубленку. А там, глядишь, и отблагодарю Колоду. Разве Самоед так не думает?

Колода подмигнул торгашу, повернул к нам, и в этот момент к нему подошел какой-то мужчина в коротком пальто. Сначала он что-то сказал Гене, затем предъявил какие-то документы. Колода дернулся, выпустил из рук пакет и рванул в сторону. Но за спиной у него уже стояли двое. Они Гену и заломали, сбили с ног, скрутили за спиной руки, куда-то повели. Мужчина в коротком пальто поднял пакет с моей дубленкой и последовал за ними.

Я потрясенно наблюдала за этой сценой. Самоед стоял рядом и не шевелился. Страшно ему. Менты Колоду забрали. Тут и гадать нечего. Теперь и Самоеду могло достаться, и мне.

– Ты чего стоишь? – спросила я. – Надо что-то делать.

– А что я могу сделать? – дрожащим от волнения голосом спросил он.

- Отбивать Гену надо!
- От ментов?
- Пошли!

Идея отбивать у ментов Колоду казалась дикостью и мне самой. Это самоубийство, если точнее – расстрельная статья. И все-таки я поспешила за Колодой.

За стадионом, у статуи пионера, бегущего в светлое завтра, стоял ментовский «уазик» с мигалками. В эту машину Колоду и засунули. Рядом приткнулась черная «Волга». В нее сели люди, которые заломали Гену. То ли ментовская это тачка, то ли Колоду повязали люди из КГБ. Если так, то всем нам точно хана. Да и менты могли прессануть нас по полной, в частности меня. Сейчас они допросят Гену, и он скажет, для кого вымогал дубленку.

Я стояла и смотрела, как машины одна за другой выезжали на дорогу и направлялись в сторону центра, где как раз и городской отдел милиции. Если бы Колоду взяли московские менты, то тачки поехали бы в другую сторону.

Этими соображениями я хотела поделиться с Лешей, когда он подошел ко мне.

Но только я открыла рот, как услышала над ухом совершенно незнакомый мужской голос:

- Что-то потеряла?

Я повернула голову и увидела того самого мужчину, который завел разговор с Колодой. Он шагал за всеми прочими, но, видимо, отошел в сторонку, и я упустила его из виду. В машину этот человек не сел, но я не обратила на это внимания. Зато сейчас я заметила, что пакета с дубленкой при нем уже не было.

– Нет, нормально все, – пробормотала я.

– А чего такая взволнованная? – с едкой насмешкой спросил он, пристально глядя на меня.

Взгляд у него цепкий, колючий как напильник. Суровые черты лица, строго сощуренные глаза. И все-таки он не казался мне страшным.

– Признаться хочешь?

– В чем? – Я похолодела.

– Кого-то сейчас арестовали, да?

– Угу.

– Твоего дружка?

– С чего вы взяли?

– В деле фигурирует одна девушка твоего возраста.

– В каком деле?

– Вымогательством занялись, да? Зря вы это затеяли, очень даже!

– О чем это вы?

– Сейчас мы твоего дружка допросим, потом за вами приедем. Можешь идти домой, вещи собирать. Сухари уже засушила?

– Шутите?

– Да какие уж тут шутки. Может, все-таки сама расскажешь, как вы у людей вещи вымогали, деньги? Курточка на тебе хорошая, джинсы. Открой тайну, откуда у тебя это все? Ты же лично ни у кого ничего не вымогала, да?

– Это вы о чем? – едва пропихивая слова через пересохшее горло, спросила я.

– Если не вымогала, то мы тебя привлекать не будем. Расскажешь нам, как все было, и гуляй. А если нет, привлечем за соучастие. Лучшие года в тюрьме пройдут. Тебе это нужно?

– Дядя, у тебя все дома? – Как в замедленной съемке, я поднесла палец к виску, крутанула им и стала пятиться от мента.

Он смотрел на меня и снисходительно улыбался, но не останавливался.

– Ходят тут, к девушкам пристают, – жалким воробушком прошебетала я.

– У тебя еще есть время, подумай. Улица Герцена, дом тридцать четыре.

Именно по этому адресу и размещался городской отдел милиции. Значит, Колоду будут прессовать местные менты, но кому от этого легче?

Я вернулась к месту, где оставила Самоеда, но там его не увидела. Неужели сбежал?

Я направилась к остановке, чтобы ехать домой. На пути к ней Леша меня и догнал.

– Ты с кем там разговаривала? – взволнованно спросил он.

– А кто Колоду повязал, с тем и разговаривала.

– И что?

– Сдавайся, говорит.

– А ты? – Самоед нервно огляделся по сторонам, увлекая меня за собой к тропинке, по которой можно было выйти к городской бане и к реке.

Вряд ли его баня интересует, да и ледяного купания точно не будет. Самоед хотел затеряться, исчезнуть из виду. Страшно ему, очко играет. Мне тоже не по себе, поджилки трясутся, но ведь я женщина, мне можно бояться, а ему – нет.

– Ага, сейчас!..

– Они что, про нас все знают?

– Если этот козел меня тормознул, то да. Сказал, что я в деле фигурирую.

– А про меня что говорил?

Я схватила Лешу за руку, резко развернула лицом к себе и от всей души вlepила ему пощечину.

– Ты чего? – Он шарахнулся в сторону.

– Очнись! Будь мужиком! Трясешься как баба! Смотреть противно! – грозovým тоном отгрохотала я.

Самоед хотел сказать что-то злое, колючее, но завис в раздумье, ушел в себя. Лицо его вдруг обрело суровое выражение, взгляд полыхнул точно так же, как это было с ним, когда он собирался броситься на врага с кулаками. Леша был готов к сражению, но не со мной, а с ментами. Это я его вразумила.

– Пошли!

Но повел он меня не к ментам, а к дому, который мы снимали на окраине города. Как захотел Медяк, так мы и сделали. Он и деньги для этого нашел, а Самоед сопли тем временем жевал.

– Надо братву собрать, – решительно сказал он на ходу. – Колоду вытаскивать будем!

– Как?

– Деньги нужны. Много!

– Это правильно, – кивнула я.

К дому мы шли пешком, берегом реки, по неудобной дороге. Мы очень спешили, берегли дыхание и практически не разговаривали.

Дом дрянной, с протекающей крышей и запущенным двором. Стены в комнате сырые, обстановка никакая. Печь грела плохо, дымила, но лучше хоть что-то, чем совсем ничего.

В доме находились Лузган и Венчик из команды Колоды. На столе водка, закуска, сидят две какие-то прощмандовки. Я думала, Самоед убьет парней за такой бардак. Ему нужно было сорвать на ком-то зло. Но все-таки он сдержался. Девоч прогнал, а пацанов отправил собирать сход.

Только они ушли, как подъехали Медяк с Грыжей. Оба важные, деловые, ощущение такое, как будто они весь город за яйца держали, а менты были у них на побегушках. Эх, если бы это соответствовало действительности!..

– И чем мы тут занимаемся? – невесело спросил Медяк, глянув на стол, на котором до сих пор стояли водка и закуска.

Поляна накрыта, мы с Лешей вдвоем, водка в крови, тепло от печки. Может, мы только что из постели? Именно так Медяк мог подумать, поэтому и вид у него был мрачный.

– Колоду закрыли! – заявил Самоед и зло глянул на него.

Как будто Медяк был в том виноват.

– Как закрыли? – Лицо Вити вытянулось.

– Менты повязали, у них он сейчас.

– Из-за дубленки? – глянув на меня, спросил Медяк.

– Да это неважно.

– И что вы здесь делаете?

– Тебя ждем! – гаркнул на него Леша.

– А серьезно?

– Сход собираем, сейчас пацаны будут. Колоду вытягивать надо.

– Колода – правильный пацан. А менты – нет. Сейчас эти неправильные сюда наедут! –

Медяк сжал кулак, как будто собирался постучать им по своей голове.

Самоед метнул на меня встревоженный, растерянный взгляд. А ведь менты действительно могли сюда нагряться. Или Гена с ходу расколется, или они и без него знают, где нас можно найти.

– Уходим!

Леша хотел взять меня за руку, но я стремительно рванула на выход, и он даже не смог до меня дотянуться.

На дороге перед домом стоял «Москвич», за рулем сидел какой-то парень.

– Откуда тачка? – спросил Самоед.

– Так у нас новый боец, – заявил Медяк и усмехнулся. – Хомяк теперь с нами.

– Так он же задрот!

– Зато тачка есть!

Леша посадил меня вперед, а сам с Медяком и Грыжей расположился сзади. За рулем сидел Вася Хомяков, никчемная и вечно гонимая личность. Зато машина у него. В салоне тепло, комфортно, и от ментов удрать можно.

– Как дела, Хомяк? – снисходительно, в качестве одолжения спросила я.

– Да нормально.

– А чего стоим? – Медяк хлопнул его по плечу.

Парень зашуганно кивнул и от волнения не смог правильно стронуть машину с места. «Москвич» разгонялся нервно, толчками. Вася и сам по себе непутевый водила. Вдобавок машине передалось наше настроение, поэтому она так психовала.

– На ментов работаешь, Хомяк? – спросила я.

И фамилия у Васи такая, и сам он похож на щекастого грызуна. Глазки маленькие, ушки короткие.

– Я?! На ментов? – Парень испуганно посмотрел на меня.

– Я тебя с каким-то ментом видела.

– Так это дядька мой, наверное. Но я с ним никаких дел не веду.

– А с нами чего?

– Интересно...

– Менты нас, Хомяк, прессуют. Если ты с нами, то и тебе достанется. Ты же с нами, Хомяк?

– Ну да.

– Что, сразу на задницу сел? Так не соскочишь ты с нее! Если нас повяжут, мы все скажем, что ты с нами был, да, пацаны?

– Не вопрос! – поддержал меня Медяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.